

Автобіографія Высокопреосвященнаго Веніамина, Архієпископа Иркутскаго.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Разбирая бумаги послѣ покойнаго архієпископа Тихона, поступившія въ распоряженіе Братства Святителя Иннокентія, я нашель среди нихъ двѣ рукописи, изъ коихъ одна содержитъ автобіографію архієпископа Веніамина, а другая — его переписку съ Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода К. П. Побѣдоносцевымъ, обнимающую собою время съ 22 февраля 1882 года по 19 іюля 1891 года. Объ эти рукописи за нѣсколько дней до своей кончины архієпископъ Веніаминъ передалъ своему викарію, преосвященному Макарію, епископу Селенгинскому, а послѣднимъ онѣ переданы были для прочтенія архієпископу Тихону. Отношеніемъ отъ 10 ноября 1893 года преосвященный Макарій, будучи уже епископомъ Камчатскимъ и Благовѣщенскимъ, просилъ архієпископа Тихона о возвращеніи ему означенныхъ рукописей, имѣя въ виду поступить съ ними согласно волѣ почившаго архіепастыря, но рукописи остались невозвращенными.

Находя эти рукописи заслуживающими вниманія какъ по личности ихъ автора, такъ и по содержанію, Братство Святителя Иннокентія рѣшило напечатать ихъ и издать отдѣльными книжками. Вполнѣ увѣренъ, что многочисленные почитатели архієпископа Веніамина прочтутъ его автобіографію и переписку не безъ интереса, но при этомъ долгомъ считаю сказать, что самъ архієпископъ описанію своей жизни не далъ никакого наименованія и что автобіографіей рукопись нами названа на томъ основаніи, что такъ она именуется въ вышеупомянутомъ отношеніи преосвященнаго Макарія. Рукопись писана рукою самого архієпископа и по мѣстамъ не особенно разборчива. Начата она писаніемъ 22 марта 1883 года, а окончена, повидимому, въ 1885 году, такъ какъ этимъ годомъ оканчиваются приведенныя въ рукописи

статистическія свѣдѣнія о числѣ обращенныхъ въ православіе буряты. Переписка съ Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода, начатая въ 1882 году и окончившаяся въ 1891 году, за полгода до смерти архіепископа, является до нѣкоторой степени продолженіемъ его автобіографіи. Такимъ образомъ, въ этихъ двухъ рукописяхъ мы имѣемъ повѣствованіе о жизни и дѣятельности одного изъ выдающихся Иркутскихъ архіепастырей. Да послужить это повѣствованіе на пользу и назиданіе читателямъ.

Предсѣдатель Братства Святит. Иннокентія

Іоаннъ, Епископъ Киренскій.

1912 г. 14 августа.

Начато 22 марта 1888 г.

„Идѣже умножися грѣхъ, преизбыточествова благодать“. Римл. V, 20.

Господи, благослови!

Долго колебался я, долго раздумывалъ, предавать-ли письму то, что будетъ напечатано, или дать умереть всему тому вмѣстѣ со мною. Съ одной стороны помысль указывалъ мнѣ на примѣры другихъ, извѣстныхъ высокою духовною жизнію, ведшихъ записки о своей жизни, съ другой—говорилъ, что гораздо смиреннѣе будетъ не выставять себя предъ челоука. Наконецъ, послѣ долгихъ размышленій, рѣшаюсь взяться за перо, чтобы для памяти, которая начинаетъ уже измѣнять мнѣ, изложить не исповѣдь о моихъ многихъ прегрѣшеніяхъ, которыя я исповѣдывалъ предъ моими духовными отцами, и не собственныя свои дѣянія, которыя были на виду у всѣхъ и о которыхъ другіе будутъ судить безпристрастнѣе меня, а о томъ, что сотворилъ о мнѣ Господь и чрезъ меня для святой Церкви, чтобы видно было, что многое происходило въ моемъ служеніи не по тѣмъ причи-

намъ, которыя всѣмъ были видны, а по особенному Божественному промысленію о святой Церкви. Предметомъ моей записи будутъ тѣ естественные и благодатные дары, которые изливалъ на меня Господь и которыми я не умѣлъ пользоваться. Что буду писать; тому свидѣтелемъ будетъ Господь Богъ и моя совѣсть. Если будутъ ошибки, то будутъ плодомъ или забвенія, или неправильнаго пониманія того, что было.

Великія милости Божіи на себѣ я усматриваю и въ природныхъ свойствахъ моего ума и сердца, и въ томъ первоначальномъ воспитаніи, которое получилъ я въ семьѣ.

Родился я 25 Генваря 1825 года въ селѣ Тарадѣяхъ, Шацкаго уѣзда, Тамбовской губерніи. Предокъ мой, по сказанію дѣда моего, дьячекъ Самуиль Коло пришелъ въ село Тарадѣи изъ Литвы. Когда это было, неизвѣстно, во всякомъ случаѣ не позже XVII столѣтія, потому что самъ дѣдъ мой былъ уже дьячкомъ въ царствованіе Екатерины II-й, а онъ сообщилъ мнѣ довольно длинный списокъ предковъ отъ Самуила Коло и до него. Объ этомъ же свидѣлствуютъ преданія, сохранившіяся въ нашемъ родѣ и городѣ Шацкѣ, какъ пограничной крѣпости (Шацкѣ основанъ въ княженіе Іоанна Калиты), о воеводскомъ домѣ, бывшемъ на томъ мѣстѣ, гдѣ при мнѣ былъ домъ Тутолмина, о нападеніяхъ на Шацкѣ азіатской орды, о защитѣ города казаками (послѣ они переименованы въ крестьянъ казачьей слободы). Особенно подробно рассказывалъ дѣдъ мой о томъ, какъ однажды напали на городъ *чары-калпаки* (каракалпаки?) и своими стрѣлами осыпали его, такъ что въ дверяхъ собора, тогда еще деревяннаго, долго послѣ видны были дыры, пробитыя острыми стрѣлами, какъ прибывшій изъ Москвы полковникъ съ полкомъ проведенъ былъ крестьянами нашего села въ тылъ неприятелю съ южной стороны города,

оазбилъ его на голову и трупы убитыхъ велѣлъ зарыть въ рвагъ съ той-же стороны города. Все это такая старина, которую нельзя относить позже царствованія царя Алексія Михайловича, когда основанъ былъ г. Тамбовъ, тоже какъ пограничная крѣпость, и для заселенія новыхъ городовъ и сель вызывались желающіе съ разныхъ мѣсть Россіи, преимущественно же съ болѣе населеннаго запада.

Отъ Самуила Коло предки мои носили фамилію Колчевыхъ. Въ селѣ Тарадѣяхъ они преемственно занимали священно-церковно-служительскія должности, а кому не было мѣста въ двухклирномъ причтѣ, тѣ просто жили тутъ-же въ селѣ съ званіемъ церковниковъ, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ; нѣкоторые попали въ крѣпостные крестьяне. Такъ какъ прежде нерѣдко бывали разборы излишняго духовенства для сдачи въ солдаты, то церковники Колчевы, служившіе писарями въ вотчинной конторѣ и за помѣщиками, жившіе лучше штатныхъ дьячковъ и пономарей, сами записывали себя въ число помѣщичьихъ крестьянъ. Послѣ потомки ихъ пытались искать свободы отъ крѣпостной зависимости, но могли получить ее не ранѣе 19 февраля 1861 года.

Предки мои до отца моего не знали школы, а учились дома церковному чтенію и пѣнію и затѣмъ опредѣлялись на открывавшіяся вакансіи въ собственномъ селѣ. Отецъ мой первый поступилъ въ училище уже по 15-му году, гдѣ получилъ фамилію Тарадѣевского отъ родного села; но какъ фамилія эта ему почему-то не нравилась и онъ никогда не писался ею на службѣ, ограничиваясь именемъ и отчествомъ, то, при поступленіи старшаго брата моего въ училище, приобрѣлъ ему, разумѣется, за подарокъ, фамилію *Благодравовъ*, которая и осталась за нашимъ родомъ.

Родитель мой Антоній Алексѣевичъ Тарадѣевскій, по великовозрастію своему, не могъ кончить продолжительнаго семинарскаго курса. По исключеніи изъ класса риторики

занялъ дьяконское мѣсто въ родномъ селѣ, а потомъ черезъ два года тутъ же опредѣленъ былъ и священникомъ, гдѣ и оставался до самой кончины своей, послѣдовавшей 22 октября 1856 года. При всей ограниченности образованія Господь умудрилъ его, чтобы право править слово истины между пасомыми и въ страхъ Божіи воспитать свою семью. Назидаль онъ паству свою не столько проповѣдями съ церковной кафедры, которыя онъ, впрочемъ, неопустительно читалъ по сборнику проповѣдей, изданному Св. Синодомъ, сколько примѣромъ собственной жизни, всегда серьезной, отличающейся строгою внимательностью къ каждому своему поступку, и частными внушеніями прихожанамъ при всякомъ случаѣ. Его всѣ уважали и какъ бы боялись, какъ слѣдуетъ уважать и бояться истиннаго пастыря, и я не помню ни одного случая, чтобы кто-нибудь по обычной у крестьянъ грубости не снялъ предъ нимъ шапки или сказалъ ему грубое слово. Когда онъ ѣхалъ или шелъ по улицѣ, всѣ вставали и низко кланялись, а игравшія дѣти спѣшили становиться въ рядъ и заразъ дѣлали поясной поклонъ. Отступленій отъ этого порядка я никогда не видѣлъ. Въ церкви онъ зорко слѣдилъ, кто какъ стоитъ и кого нѣтъ и случалось послѣ слышать замѣчанія небывшимъ у утрени или обѣдни. За публичныя грѣхопаденія, служившія соблазномъ, публично ставилъ въ церкви на поклоны и виновные безпрекословно повиновались. Расскажу одинъ случай, особенно характеризующій его отношенія къ прихожанамъ и прихожанъ къ нему. Я въ то время еще не поступалъ въ училище. Разъ бѣгалъ я по двору и вдругъ вижу, что къ нашему дому идетъ огромная толпа крестьянъ. Отецъ вышелъ къ нимъ узнать, что за причина собранія. «Батюшка», — говорили въ большомъ волненіи мужики, — «мы хотимъ убить Ракчея (такъ они прозвали вотчиннаго бурмистра, сравнивая его по жестокости съ графомъ Аракчеевымъ), измучилъ онъ

насъ, нѣтъ мочи терпѣть больше. Что ты намъ скажешь? Отвѣтъ былъ, какого и ожидать слѣдовало отъ любящаго пастыря. Послѣ долгихъ увѣщаній его мужики разошлись по домамъ. Но дѣло этимъ не кончилось. Оставили мысль объ убійствѣ, но волненія не прекратились. Началось слѣдствіе. Отецъ принялъ горячее участіе въ своихъ прихожанъ: то, бывало, идетъ въ толпу бунтующихъ и уговариваетъ ихъ смириться, то идетъ къ слѣдователю и управляющему и ихъ проситъ о снисхожденіи къ виновнымъ. Главные виновники не остались безъ наказанія, но зато спасенные имъ отъ Сибири всегда съ благодарностью вспоминали объ оказанномъ имъ батюшкою благодѣяніи. Отецъ былъ хорошій хозяинъ, до 12 десятинъ засѣвалъ хлѣба, имѣя одного работника, и, однако, никогда не имѣлъ затрудненія въ рабочихъ рукахъ. Прихожане, несмотря на то, что по три дня въ недѣлю работали на помѣщика, находили и для отца моего время для работы безъ всякаго вознагражденія, даже сами напрашивались на работу. А когда онъ умеръ, въ теченіе цѣлаго года каждое воскресеніе послѣ литургіи совершались по немъ панихиды и никто изъ прихожанъ не уходилъ, не отстоявши панихиды на могилѣ его.

Особенною выдающеюся его добродѣтелью была благотворительность. Я не видалъ случая, чтобы у насъ въ домѣ когда было отказано въ милостынѣ просящему. Бывали голодные годы, когда отцу приходилось задумываться о пропитаніи собственной семьи, состоявшей изъ 12 душъ; несмотря на то, считалось тяжкимъ грѣхомъ отказать нищему въ хлѣбѣ. Въ праздники всѣ нищіе нашего прихода у насъ обѣдали и имъ подавалось то-же самое, что и семейству, а послѣ обѣда мы, дѣти, слѣпыхъ отводили домой. Примѣру священника стали подражать прихожане и, помню, не разъ бывало, что мать моя дѣлала выговоръ нищимъ, когда они вмѣсто попа шли на обѣдъ къ какому-нибудь Акиму или

Назару. Ни одинъ странникъ не проходилъ чрезъ наше село, лежащее на пути въ Воронежъ и Кіевъ, ненакормленный и неуспокоенный въ нашемъ домѣ. Доселѣ помню я слова моего отца, обращенныя ко мнѣ о томъ, какъ Авраамъ, думая принять странниковъ, принялъ ангеловъ, и послѣ этого дѣтскому воображенію моему въ странникахъ стали представляться ангелы. Бывало, еще издали увидѣвши странниковъ, бѣжишь къ нимъ съ приглашеніемъ въ нашъ домъ съ мыслью, что, можетъ быть, это ангелы. Про странниковъ много ходитъ разсказовъ, какъ про людей, промышляющихъ воровствомъ; у насъ въ лѣтнюю пору чуть не каждый день ночевали странники и примѣра не было, чтобы кто изъ нихъ укралъ что-нибудь или сдѣлалъ какой-нибудь соблазнительный поступокъ. Напротивъ, они никогда не подавали намъ повода смотрѣть на нихъ иначе, какъ на подвижниковъ, и я и послѣ всегда возмущался дурными отзывами о странникахъ, какъ и о нищихъ, на которыхъ смотрѣлъ, какъ на Христову братію. Примѣръ благотворительности родителей назидательно дѣйствовалъ на дѣтей. Братья и сестры мои доселѣ принимаютъ странниковъ и мнѣ здѣсь въ Иркутскѣ случалось встрѣчать странниковъ, бывшихъ въ ихъ домѣ.

Мать моя Анна Дмитриевна не имѣла образа мыслей, особаго отъ отца. Все, что говорилъ онъ, говорила и она, считая каждое его слово непреложною истиною. Въ дѣлѣ благотворенія я не могу сказать, кто изъ нихъ вліялъ на кого, кажется, они взаимно поощряли другъ друга. Приобрѣталъ все для дома отецъ, а распоряжалась всѣмъ мать, трудившаяся не менѣе отца въ потѣ лица своего.

Въ воспитаніи дѣтей они держались преданій старины. Росли мы на свободѣ, насъ не стѣсняли указаніями на каждомъ шагу, но въ то-же время насъ не допускали и до нѣжной болтливости съ собою. Строгости наказаній мы не

знали, но, несмотря на то, мы питали какой-то благоговѣйный страхъ къ своимъ родителямъ, особенно къ отцу. Мы никогда не осмѣливались приступать къ нему съ какими-нибудь дѣтскими разспросами или вообще разговорами. Зависѣло это не отъ какой-нибудь угрюмости характера отца, напротивъ, онъ очень былъ разговорчивъ съ равными себѣ и всегда былъ гостепріименъ. Съ дѣтьми-же какое-то внутреннее чувство удерживало его отъ излишней близости. И я не могу безъ глубокаго уваженія относиться къ этому чувству. Когда я уже былъ большой, для меня одно слово, одинъ взглядъ отца былъ чувствительнѣе всякихъ выговоровъ ректора или инспектора, и мысль о родителяхъ, о ихъ мнѣніи о моемъ поведеніи во все время моего долготѣняго образованія охраняла меня отъ всего худого гораздо болѣе, чѣмъ инспекторскій надзоръ. Болѣе всего, повидимому, остерегались они развитія въ дѣтяхъ чувства самолюбія и гордости. Помню, какъ строго выговаривалъ мнѣ отецъ за то, что я отвернулся отъ своего товарища по училищу, когда тотъ хотѣлъ мнѣ что-то сказать. О томъ, что и въ дѣтствѣ я учился лучше своего старшаго брата, я въ первый разъ узналъ отъ матери, когда уже былъ въ богословскомъ классѣ семинаріи. Также однажды услышалъ я, какъ шопотомъ родители передавали другъ другу свое удовольствіе по поводу какого-то умнаго поступка моей сестры, бывшей уже невѣстою. Такъ берегли они чувства дѣтей отъ преждевременнаго развитія гордости. Требованія Св. вѣры въ домѣ нашемъ исполнялись, можно сказать, примѣрно. При всякомъ богослуженіи мы непременно всѣ должны были находиться въ церкви съ самаго начала службы и это не только не тяготило никого изъ насъ, напротивъ, кому приходилось оставаться во время богослуженія дома, тотъ считалъ для себя это обидою предъ другими. Когда я поступилъ въ училище и въ первый разъ шелъ изъ класса до-

мой, то удивился, что благовѣстять къ вечернѣ и однакожь насъ никто не ведетъ въ церковь. И я во время ученія въ училищѣ часто ходилъ въ будни къ утрени, чтобы пѣть и читать на клиросѣ. Посты соблюдались въ домѣ со всею уставною строгостью. На первой и страстной недѣлѣ великаго поста, кромѣ великаго четвертка, отнюдь не допускалось употребленія даже постнаго коноплянаго масла, а рыбу кушали только въ Благовѣщеніе и Вербное Воскресеніе, какъ указывается уставомъ. И все это не считалось за какой-нибудь подвигъ, а дѣлалось, какъ самое обыкновенное дѣло, нарушеніе же такого правила было-бы сочтено за тяжкій грѣхъ.

Зато родители наши въ послѣдствіи могли только утѣшаться своими дѣтьми. Кромѣ меня, одинъ братъ принялъ монашество, три брата вышли въ священники по окончаніи курса семинаріи съ званіемъ студентовъ. Старшій братъ Иванъ Антоновичъ, подъ опекою котораго я прошелъ весь училищный и семинарскій курсъ (онъ завѣдывалъ общимъ нашимъ хозяйствомъ) съ честью служилъ 25 лѣтъ благочиннымъ сперва по назначенію преосвященнаго, потомъ по выбору духовенства и, наконецъ, опять по назначенію начальства, и когда по слабости здоровья сталъ проситься отъ должности, то преосвященный просилъ его не оставлять должности, а духовенство поднесло икону Божьей Матери въ сребропозлащенной ризѣ и по увольненіи отъ должности благочиннаго избрало своимъ духовникомъ. Братъ іеромонахъ Θεодосій, служившій миссіонеромъ въ Забайкальской миссіи, когда возвратился въ Вышенскую пустынь, гдѣ принялъ постриженіе, то сперва избранъ былъ настоятелемъ и братією въ благочинные, а потомъ—въ казначей. Младшіе братья Іаковъ и Алексѣй, первый проходилъ (умершій), а второй доселѣ съ честью проходитъ свое служеніе въ санѣ приходскихъ священниковъ. Изъ сестеръ двѣ замужемъ за

священниками, умѣють добро править домъ свой и въ страхѣ Божіи воспитывать дѣтей, а третья, оставшаяся дѣвицею, заслуженно носить имя богомолки.

О себѣ съ откровенностію скажу, что я не знаю времени, когда-бы я желалъ быть чѣмъ другимъ, а не монахомъ. При всей дѣтской рѣзвости, которою я превосходилъ старшаго своего брата, мысль о монашествѣ запала въ душу мою еще въ родительскомъ домѣ до поступленія въ училище. Не стану объяснять происхожденія во мнѣ этой мысли, потому что тогда не могъ еще анализировать своихъ мыслей, а въ настоящее время объяснить происхожденіе мысли назадъ тому слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ не могу безъ опасенія впасть въ ошибку. Скажу только, что въ родительскомъ домѣ я всегда слышалъ о монастыряхъ и монахахъ только хорошіе отзывы, что подтверждали и гостившіе у насъ странники. Потомъ, когда я выучился читать, то единственными книгами для моего чтенія въ родительскомъ домѣ были библія и четы-минеи. Примѣры высокаго подвижничества, читанные мною въ четы-минеяхъ, легко могли восхищать дѣтское воображеніе. Еще до поступленія въ училище ходилъ я съ матерію къ празднику Успенія Божіей Матери въ Вышенскую пустынь (въ 30 верстахъ отъ нашего села), гдѣ стройное уставное совершеніе всеобщаго бдѣнія, продолжавшагося за полночь, производило на мою душу высокое и религіозное впечатлѣніе. Несмотря на дѣтскій возрастъ, я простаивалъ все богослуженіе, не чувствуя ни усталости, ни расположенія ко сну въ такую позднюю пору. Когда я учился въ училищѣ въ Шацкѣ, гдѣ нѣтъ монастыря, то когда мнѣ случалось увидѣть по улицѣ идущаго монаха, я долго шелъ за нимъ, любуясь его одеждою. Родители мои сначала не сочувствовали моему желанію быть монахомъ. Но когда съ шестнадцатилѣтняго возраста у меня стала болѣть грудь и бокъ и они стали опасаться, чтобы болѣзнь

не перешла въ чахотку, тогда отецъ сказалъ матери: «ну, пусть исполнится его желаніе итти въ монахи». Слова эти мнѣ потомъ переданы были матерею. Болѣзнь моя незамѣтно прошла, послѣ того, какъ, бывши уже въ философскомъ классѣ, въ 1843 году сходилъ я въ вакаціонное время въ Воронежъ на поклоненіе мощамъ Св. Митрофана.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Автобіографія Высокопреосвященнаго Веніамина, Архієпископа Иркутскаго.

(Продолженіе).

Обученіе мое въ Шацкомъ училищѣ и потомъ въ Тамбовской семинаріи шло общезвѣстнымъ по тому времени способомъ. При хорошихъ способностяхъ я быстро поднимался вверхъ въ спискѣ учениковъ, и въ семинарію въ 1840 г. перешелъ третьимъ ученикомъ и это мѣсто сохранилъ за собою во все время обученія въ семинаріи и, наконецъ, въ самой Академіи. Въ училищѣ свободнаго времени у меня было очень много, потому что уроки были невелики и при хорошихъ способностяхъ выучивались легко и скоро, а кромѣ уроковъ я себѣ другого дѣла находить не умѣлъ еще и такимъ образомъ свободное время проходило просто въ бездѣльничаньи. Жили мы по квартирамъ безъ всякаго надзора, и если не предавались грубымъ порокамъ, то главнымъ об-

разомъ благодаря дѣтскому возрасту, а на шалости никто не обращалъ вниманія. Съ поступленіемъ въ семинарію я сталъ уже думать объ Академіи и поэтому свободное время сталъ употреблять на чтеніе, но за неимѣніемъ большого выбора книгъ я читалъ все, что попадало въ руки. Къ счастью, тогда литература не была такая распущенная, какъ въ настоящее время и потому вреда отъ подобнаго чтенія не было, кромѣ того развѣ, что убивалось время на чтеніе, иногда бесполезное для образованія. Нравственного надзора и въ семинаріи также за нами почти совсѣмъ не было. Жили мы по квартирамъ большею частію далеко отъ семинаріи и инспектора въ своей квартирѣ видѣли не болѣе одного раза въ треть. Тутъ охраняла меня отъ пороковъ кажется самая натура моя, не отличавшаяся страстностію, потому первоначальное воспитаніе и мысль о монашествѣ, никогда меня не оставлявшая. Но не могу не сказать, что въ семинаріи и у меня стала слабѣть вѣра, хотя ни отъ преподавателей я ничего не слышалъ противнаго вѣрѣ, ни въ книгахъ не читалъ ничего подобнаго. Я сталъ думать о томъ, что многое, во что я прежде вѣрилъ, есть не болѣе, какъ предразсудокъ или суевѣріе, и что слѣдуетъ мнѣ самому постараться отдѣлать истину вѣры отъ этихъ наростовъ. Полагаю, причиною этому маловѣрію былъ самый возрастъ мой въ то время, когда умъ быстро развивался, а для сердца соответствующей пищи не представлялось, что и развитіе было не цѣлостное, а одностороннее. Зато въ это время я чувствовалъ особенную какъ-бы инстинктивную потребность читать апологетическія сочиненія для утвержденія своей вѣры; напротивъ, когда кончился періодъ маловѣрія, я сталъ чувствовать нерасположеніе ко всѣмъ философскимъ доказательствамъ истины христіанской вѣры; они стали лишнія для меня. Періодъ маловѣрія кончился для меня уже съ принятіемъ монашества. Въ Академіи я занимался усиленно. Я не

хвалился своими талантами, но трудолюбіемъ превосходилъ большинство своихъ товарищей. Оттого я всегда аккуратенъ былъ въ приготовленіи уроковъ и сочиненій къ назначенному сроку и труды мои давали мнѣ полное право на занимаемое мною мѣсто. Поведеніе мое, какъ студента, было безупречное, но о намѣреніи моемъ принять монашество я скрывалъ на первое время. Въ первый разъ я открылъ его Помощнику Инспектора (нынѣ Еп. Самарскій Преосв. Серафимъ) по слѣдующему замѣчательному въ моей жизни обстоятельству.

Осенью 1847 г. въ Казани открылась холера. Какъ сильно было дѣйствіе эпидеміи въ городѣ, мнѣ неизвѣстно, но въ Академіи, помѣщавшейся въ то время еще въ наемномъ домѣ на Проломной улицѣ, никогда не отличавшейся чистотою воздуха, переболѣли всѣ почти студенты и двое умерли. Я былъ въ числѣ наиболѣе пострадавшихъ. Несмотря на всѣ заботы обо мнѣ доктора, профессора университета Н. А. Скандовскаго, болѣзнь усилилась до того, что признано было необходимымъ напутствовать меня въ жизнь загробную. Изъ больницы всѣ больные студенты переведены были въ залу собранія, которая обращена была на этотъ разъ въ больницу, а въ самой больницѣ оставлены были двое умершихъ и я, приготовленный къ смерти. Дѣло было наканунѣ праздника Покрова Божіей Матери. Во время все-нощной входитъ въ больницу помощникъ инспектора, садится около меня и начинаетъ утѣшать меня надеждою не на выздоровленіе, а на Иисуса Христа, Спасителя всѣхъ человѣковъ, что Онъ, пострадавшій за всѣхъ людей, спасетъ и меня Своею кровію. Въ это-то время я ему первому объявилъ, что желаю бы послужить Господу въ монашествѣ. На это онъ мнѣ отвѣтилъ: «положитесь на волю Божію; Господь знаетъ, что для Васъ полезнѣе». Около полуночи вдругъ у меня явилось желаніе, чтобы меня перенесли куда-нибудь

изъ больницы. Какъ возникло это желаніе, я ни тогда, ни послѣ объяснить себѣ не могъ. Что меня оставили въ больницѣ, какъ близкаго къ смерти, я не зналъ, не зналъ и того, что въ другой комнатѣ больницы находились умершіе. Желаніе явилось безотчетное, безъ всякой мысли. Ректоръ Академіи Арх. Григорій (впослѣдствіи Архіепископъ Калужскій) былъ заботливый начальникъ, подъ видимою суровостію скрывавшій любящее сердце. Лишь только донесли ему о моемъ желаніи, онъ немедленно явился самъ и, не спрашивая о причинѣ, распорядился немедленно вмѣстѣ съ кроватию перенести меня въ одинъ изъ номеровъ, занимавшихся студентами, предварительно удаливъ изъ него жильцовъ. Какъ умѣлъ, молился я Божіей Матери о своемъ выздоровленіи, приходила мысль и о смерти, только бы долго не мучиться. Послѣ перенесенія я почувствовалъ особенную боль въ поясницѣ отъ геморроя, которымъ я тогда страдалъ. При мнѣ находился товарищъ-студентъ для услугъ, потому что наемной прислуги недостаточно было за множествомъ больныхъ. Я попросилъ его потереть мнѣ поясницу перцовкою, которая тогда употреблялась, какъ противохолерное лекарство. Лишь только потеръ онъ мнѣ поясницу, какъ я тотчасъ почувствовалъ какъ-бы жизненную силу какую, разлившуюся по всему моему организму. Доселѣ я не могъ повернуться съ бока на бокъ, а теперь до того я сильно почувствовалъ возвращеніе здоровья, что самъ всталъ и сѣлъ на кровати. Докторъ пріѣхалъ въ Академію на разсвѣтъ, вошелъ въ мое новое помѣщеніе, съ изумленіемъ увидѣлъ меня сидящаго и еще болѣе изумился, когда на вопросъ его о здоровьѣ я твердо отвѣтилъ, что чувствую себя совсѣмъ здоровымъ. Послѣ, когда я былъ уже на службѣ, онъ при встрѣчѣ со мною всегда напоминалъ мнѣ о моей болѣзни и при этомъ прибавлялъ: «Богъ васъ воскресилъ; наука ничѣмъ вамъ помочь не могла». Вмѣстѣ съ холерою прошелъ и геморрой и боль-

ше уже никогда не возвращался ко мнѣ. Между тѣмъ, послѣ этого товарищи мои узнали, что я объявилъ желаніе поступить въ монахи, и у нихъ утвердилось убѣжденіе, что я по этому собственно случаю далъ обѣщаніе принять монашество, о которомъ прежде не думалъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Автобіографія Высокопреосвященнаго Веніамина, Архієпископа Иркутскаго.

(Продолженіе).

Принятіємъ монашества, однако, я не спѣшалъ, не побуждало меня къ тому и начальство, вопреки общему убѣжденію, что въ Академіяхъ студентовъ чуть не силою тянули въ монахи. Напротивъ, я слышалъ наставленія не спѣшить этимъ дѣломъ и если Богу не угодно будетъ принять мое желаніе во благо, то и совсѣмъ не принимать монашества. А учившійся со мною въ одномъ курсѣ вдовый священникъ, сколько ни просилъ о постриженіи въ монахи, не получилъ просимаго и такъ по окончаніи курса и уѣхалъ опять въ свою епархію бѣлымъ священникомъ. Мнѣ же сдѣлано было испытаніе, какого я не ожидалъ. Въ Іюнь слѣдующаго 1848 г. отправлялся въ Тамбовъ для ревизіи Семинаріи Профессоръ Академіи Архимандритъ Антоній, впоследствии промысломъ Божиимъ назначенный мнѣ въ старцы—руководители моей монашеской жизни (послѣ бывшій Епископъ Оренбургскій). Я напросился ѣхать съ нимъ на родину, такъ какъ ему путь лежалъ черезъ Шацкъ. По пути онъ хотѣлъ заѣхать въ Арзамасъ, гдѣ въ Алексѣевской общинѣ жила извѣстная прозорливостію своею подвижница—болящая Агриппина, въ схимѣ Антонина. Съ нею о. Антоній давно имѣлъ духовное общеніе и велъ переписку, замѣчательную тѣмъ, что случалось иногда, что въ тотъ-же день, въ который одинъ писалъ письмо, другая

писала на него отвѣтъ до получения письма. Когда мы подъѣзжали къ Арзамасу, онъ сказалъ мнѣ, что надобно спросить болящую, благословить-ли она мнѣ идти въ монахи и если не благословить, то чтобы я отложилъ свое намѣреніе, что можно спастись и безъ монашества. Слова эти меня очень встревожили, потому что я съ дѣтства питалъ мысль о монашествѣ и не думалъ ни о какомъ другомъ званіи. Въ Арзамасѣ мы прожили дня два или три, не помню; Архимандритъ Антоній все время проводилъ у болящей подвижницы, а я сидѣлъ въ квартирѣ. Наконецъ онъ зоветъ меня къ ней, предварительно давши мнѣ наставленіе, чтобы я въ присутствіи ея мысленно произносилъ про себя молитву Іисусову, а то случается, что нечистыя мысли посѣтителя возмущаютъ духъ ея. Когда я вошелъ къ ней, она ласково приняла меня, посадила, начала какой-то обыкновенный разговоръ. Потомъ о. Антоній говоритъ ей, что я желаю идти въ монахи и благословить-ли она меня принять монашество. Она весело свѣтлымъ взоромъ взглянувши на меня сказала: «годится»! Какъ тяжелая гора свалилась съ моихъ плечъ отъ этого слова. Она рѣшила навсегда мою участь. И впоследствии, когда въ искушеніи возникала во мнѣ вражеская мысль, тѣмъ-ли путемъ пошелъ я, какимъ долженъ былъ идти, слово это служило для меня подкрѣпленіемъ моей немощи и утѣшеніемъ, потому что я вполне вѣрилъ въ ея прозорливость.

Прошелъ еще годъ и я въ Маѣ или Іюнѣ 1849 г. рѣшилъ, наконецъ, подать прошеніе о постриженіи въ монахи. Обратился за совѣтомъ къ о. Антонію, но и тутъ совѣтовалъ не спѣшить: надобно, говорилъ онъ мнѣ, прежде помолиться. Спустя недѣли двѣ или три онъ зоветъ меня къ себѣ и благословляетъ писать прошеніе. Такъ рѣшилось дѣло о моемъ монашествѣ. Во второй половинѣ Августа пришло и изъ Св. Синода разрѣшеніе о постриженіи.

Въ мое время въ Казанской Академіи избраніе старца-

руководителя считалось дѣломъ первой важности, потому что отъ этого зависѣло направленіе всей послѣдующей монашеской жизни постригаемаго. Мнѣ, какъ я сказалъ, Промысломъ Божиимъ назначень Архимандритъ Антоній. Какъ это случилось, объяснить не умѣю. Обыкновеннаго человѣческаго уваженія или любви я къ нему не имѣлъ, напротивъ, онъ мнѣ казался тяжелъ. Послѣ я узналъ, что такими всегда кажутся прозорливцы людямъ съ неочищеною благодатию совѣстію. Я искалъ его руководства вопреки желанію плоти, потому что такъ угодно было Богу, что я, еще не зная его великихъ духовныхъ дарованій, изъ пяти монашествующихъ въ Академіи избралъ его своимъ старцемъ-руководителемъ въ монашеской жизни. Онъ согласился на мою просьбу, хотя съ нѣкоторымъ колебаніемъ. Не легка была для него ноша, которую онъ бралъ на себя. Днемъ постриженія назначено было воскресенье 28 Августа. Избранный мною руководитель, по порученію ректора, спрашиваетъ меня, какое я желаю принять имя. Я отвѣтилъ, что ко всякому имени можно привыкнуть и потому предоставляю о. ректору самому наречь меня, какъ ему угодно. Если о. ректоръ предоставляет вамъ самимъ избрать себѣ имя, то вы должны сдѣлать это изъ послушанія, сказалъ мнѣ о. Антоній и при этомъ посоветовалъ сохранить въ новомъ имени первую букву прежняго (прежнее имя мое было Василій). Я взялъ алфавитный указатель именъ и сталъ искать монашеское имя, начинающееся съ буквы В. Понравилось мнѣ имя Веніаминъ, но въ той книгѣ, по которой я искалъ себѣ имени, былъ только одинъ Веніаминъ—мученикъ, а мнѣ хотѣлось, чтобы ангелъ мой былъ преподобный. Когда я высказалъ свою мысль о. Антонію, онъ мнѣ отвѣтилъ, что можно нарѣчь Варсонофіемъ въ честь святителя Варсонофія Казанскаго Чудотворца. Я думалъ, что такъ и будетъ. Каково-же было мое удивленіе, когда меня нарекли Веніаминомъ и потомъ на отпустѣ всенощной (постриженіе

было совершено за всею ночью въ субботу), какъ дневнаго святаго помянули Преподобнаго Веніамина. Оказалось, что въ тотъ самый день, когда было назначено постриженіе, была память Веніамина, преподобнаго Кіево Печерскаго Чудотворца, такъ что меня заодно пришлось поздравлять и съ постриженіемъ и съ именинами.

Такъ сдѣлался я монахомъ, но не только чувства, но и мысли мои далеки были отъ настоящаго пониманія монашества. Желалъ я не носить только имя монаха, но и быть на самомъ дѣлѣ монахомъ, для того и въ ангелы себѣ искалъ преподобнаго, съ мыслию имѣть въ немъ примѣръ для подражанія. Но я думалъ, что монашество состоитъ въ исполненіи какого нибудь молитвеннаго правила по назначенію духовнаго отца и въ большемъ вниманіи къ своему поведенію. Я не догадывался, что надѣясь черезъ годъ оставить академію въ числѣ первыхъ магистровъ, я не зналъ на самомъ дѣлѣ азбуки христіанства, не понималъ, что усвоенныя моею памятію и діалектическимъ умомъ истины христіанства не суть отвлеченныя понятія, каковыми онѣ мнѣ казались, а животворныя истины, понятныя не столько уму, сколько сердцу, что благодать Божія не есть общее промышленіе Божіе, приѣмлемое вѣрою, но недоступное самосознанію сердца, что она есть живая и животворная сила, явно и вліятельно въ насъ дѣйствующая. Дать истинныя понятія объ этихъ предметахъ, сокровенныхъ для плотскаго человѣка, но очевидныхъ для истиннаго христіанина, нельзя было одними наставленіями, которыхъ я много и прежде слышалъ въ продолженіе семинарскаго и Академическаго курса ученія. Нужно было открыть входъ притокамъ благодати Божіей въ мое холодное сердце молитвою самаго старца и отца духовнаго. Не думаю, чтобы легко было для него это брать, особенно когда я не имѣлъ еще къ нему внутренняго сердечнаго послушанія, а только неволею себя къ тому. Но сила

его молитвы была такъ велика, что я невольно подчинялся ей, не чувствуя благодатнаго утѣшенія, потому что душевень человекъ не пріемлетъ яже Духа Божія, все таки вынуждаемъ былъ молиться, пока мало по малу не стало ослабѣвать внутреннее противленіе плотскаго человекъ притокамъ благодати Божіей. Я каждую недѣлю разъ долженъ былъ являться къ своему духовному руководителю—старцу, чтобы открывать предъ нимъ свое душевное состояніе. Не много словесныхъ наставленій давалъ онъ мнѣ, принимая только къ свѣдѣнію сказанное мною. Иногда я жаловался, что въ извѣстный день молился безъ духа молитвы. Тогда онъ мнѣ въ утѣшеніе говорилъ: это и есть настоящая подвижническая молитва, потому что это *ваша* молитва, а то чужая, Богомъ данная. Помогала мнѣ своими благодатными молитвами и болящая схимонахиня Антонина, благословившая меня идти въ монахи. Особенно она помогала мнѣ послѣ того, какъ архимандритъ Антоній переведенъ былъ изъ Казани въ Пермь на должность ректора семинаріи. Я слыхалъ прежде, что преподобный Серафимъ Саровскій раздавалъ посѣщавшимъ его сухарики и чрезъ нихъ сообщалъ благодать Божію. Я не отрицалъ сказанія, но не понималъ силы его, какъ чрезъ вещество можетъ сообщаться благодать Божія. Теперь я испыталъ это на себѣ въ посылавшихся мнѣ болящею сухарикахъ. Однажды прислала она одѣяло. Я сначала не понялъ значенія такой посылки, но когда сталъ пользоваться ею, то, несмотря на молодость лѣтъ, подъ покровомъ его совсѣмъ не чувствовалъ естественныхъ движеній плоти. Тѣмъ-же дѣйствіемъ благодати Божіей помощію молитвенниковъ моихъ я былъ воздерженъ въ пищѣ, какъ никогда ни прежде, ни послѣ, и не тяготился своимъ воздержаніемъ.

Предъ отъѣздомъ своимъ изъ Казани въ 1851 г. старецъ мой—архимандритъ Антоній передалъ меня руководству ар-

химандрита Серафима (нынѣ Епископа Самарскаго), для котораго онъ былъ также старцемъ — руководителемъ и сдѣлалъ изъ него такого-же благодатнаго молитвенника и опытнаго руководителя, какимъ былъ самъ. На первый разъ по отношенію къ нему я находился подъ сильнымъ искушеніемъ, не только не совѣтовался съ нимъ, но внутренно осуждалъ его за все, что ни дѣлалъ онъ, самая деликатность его въ обращеніи со мною возмущала меня. Такъ врагъ спасенія моего хотѣлъ лишить меня духовнаго руководства. Оставшись одинъ, я сталъ даже тяготиться своимъ положеніемъ, какъ монаха. Въ этомъ состояніи я вижу во снѣ своего старца о. Антонія лежащимъ во гробѣ, живаго, но похожаго на мертвеца. Этимъ мнѣ показано было, каковъ долженъ быть истинный монахъ и что я совсѣмъ напрасно смущаюсь мнимою тѣсною своей жизни. Не оставилъ онъ меня поддерживать и издали своими молитвами и наставленіями, иногда совсѣмъ неожиданными. Такъ съ поступленія моего на службу онъ внушалъ мнѣ, чтобы, какъ монахъ, отрешившись отъ міра, я не занимался дѣлами своихъ родныхъ и старался отклонять ихъ просьбы, потому что онъ собственнымъ опытомъ узналъ, что кромѣ зависти и взаимной вражды между родными другихъ послѣдствій отъ своей помощи имъ онъ не видѣлъ. Но вотъ однажды получаю я письмо отъ своего отца изъ Тамбовской губерніи съ просьбою помочь ему въ выдачѣ замужъ сестры моей. И немѣнне деньги и мысль о наставленіи, данномъ мнѣ старцемъ — руководителемъ, смущали меня. И что-же? На другой же день получаю письмо отъ него изъ Перми, въ которомъ онъ мнѣ пишетъ, чтобы я помогъ отцу своему. И никакихъ объясненій къ такому неожиданному наставленію. Между тѣмъ мало-по-малу стало проходить искушеніе у меня и по отношенію къ архимандриту Серафиму. Онъ понялъ перемену во мнѣ и сталъ болѣе и болѣе приближать меня къ себѣ.

Кромѣ молитвенной помощи онъ для меня сдѣлался и постояннымъ наставникомъ въ каждомъ моемъ поступкѣ, такъ что наставленіями его я гораздо больше пользовался, чѣмъ наставленіями о. Антонія. Этому способствовали и внѣшнія мои отношенія къ нему. Къ о. Антонію я относился какъ студентъ къ профессору—архимандриту, а къ о. Серафиму, какъ младшій сослуживецъ къ старшему. Довѣрившись ему вполне и вѣря каждому его слову, какъ слову благодатнаго старца—руководителя, я чувствовалъ къ нему такое внутреннее послушаніе, какого не имѣлъ ни къ кому другому. Даже во время разсужденій съ нимъ объ ученыхъ предметахъ я болѣе слушалъ и старался усвоить, что онъ говорилъ, чѣмъ выражалъ собственные мысли, такъ что иногда онъ самъ замѣчалъ мнѣ, чтобы я самъ разсудилъ, а не принималъ только на вѣру, что онъ скажетъ. Но за то сколько внутренняго утѣшенія я ощущалъ отъ этого послушанія, отъ этого, такъ сказать, самоотреченія: чѣмъ больше я отдавалъ себя въ его волю, тѣмъ больше мира чувствовалъ въ своей душѣ. Не безъ преткновеній, впрочемъ, было и это послушаніе и случалось и ему видѣть отъ меня огорченія. Но я не нахожу нужнымъ рассказывать о своихъ немощахъ, которыя не дали мнѣ возможности воспользоваться тѣми благодатными средствами, которыми я окруженъ былъ.

Расскажу объ одномъ искушеніи, бывшемъ со мною въ началѣ моей службы и имѣвшемъ вліяніе на послѣдующую мою жизнь.

Когда я учился въ Академіи, то на расходы въ теченіе года я получалъ отъ отца всего три рубля. Онъ посылалъ мнѣ столько въ увѣренности, что деньги мнѣ не нужны при готовомъ казенномъ содержаніи, а самъ я не смѣлъ просить у него болѣе, потому что и въ эту пору сохранялъ къ нему тѣ-же чувства какого-то благоговѣйнаго страха, которыя

воспиталъ въ себѣ въ дѣтствѣ. Имѣя такія ограниченныя средства, я, понятно, дорожилъ всякою копѣйкою. Съ такими понятіями о деньгахъ поступилъ я и на службу. Жить разсчетливо необходимо было и потому, что бакалаврское жалованье равнялось тремъ-стамъ съ чѣмъ-то рублей, а между тѣмъ нужно было на первый разъ и обзавестись кое-чѣмъ. Года чрезъ полтора получаю я классный окладъ по степени магистра, рублей полтора ста. Часть денегъ пошла въ уплату долга, осталось около ста рублей. Эти-то деньги и сдѣлались предметомъ моего искушенія. Мнѣ захотѣлось непременно имѣть запасный капиталъ въ сто рублей. Каждый мѣсяць, какъ получу жалованье, такъ и дополню недостающую до ста рублей сумму, но къ концу мѣсяца новыя нужды заставляли снова брать часть денегъ изъ основнаго капитала. Такъ продолжалось немало времени, въ началѣ cadaго мѣсяца дополнялъ капиталъ, а къ концу опять отнималъ отъ него. Что это было искушеніе, удостовѣрялось тѣмъ, что случалось въ то время, когда стоялъ я на молитвѣ, читая свое келейное правило, вдругъ приходила мысль — сосчитаю, сколько у меня недостаетъ до ста рублей, и я оставлялъ правило и начиналъ считать свой капиталъ. Во время Богослуженія въ церкви, стоя предъ престоломъ, думалъ, сколько бы было денегъ, если бы на престольные кресты и серебро на евангеліи обратить въ цѣлковые. Но благодареніе Господу, Онъ не далъ овладѣть мною этому губельному искушенію. Чувство благотворительности, воспитанное въ дѣтствѣ, еще не оставило меня и оно-то спасло меня отъ искушенія. Мошенникъ-странникъ вытянулъ у меня своими вазойливыми просьбами до 60 рублей и тѣмъ окончательно отнялъ у меня надежду имѣть сто рублей. Лишь только потерялъ я эту суетную надежду, какъ открылись духовныя очи мои и я ясно прозрѣлъ, въ какомъ я былъ искушеніи, тотчасъ же прошла охота считать деньги и видѣ

серебра не внушала уже никаких сребролюбивых мыслей. Тогда понял я, почему Бог не давал мне нажить сто рублей. Наживши первые сто рублей, я стал бы думать о наживе и других ста рублей. После этого я стал уже с опасением смотреть и на то, если у меня после месячного содержания оставалось скольконибудь рублей от полученного за месяц жалования. И видимо Сам Господь охранял мои чувства от страсти любостыжания. Однажды у меня к концу месяца осталось десять рублей. Иду я к эконому за получением новых денег на следующий месяц и думаю об остатке от прошлого месяца. Но что же случилось? Когда я возвратился домой и стал искать по карманам оставшиеся десять рублей, нигде не мог найти их и так они неизвестно куда пропали. Другой случай. Раз спрашивает меня о. Серафимъ: имѣю ли я деньги. Я отвѣтилъ, что не имѣю и боюсь имѣть.— «Такъ вотъ вамъ отъ меня серія въ 50 рублей, сказалъ онъ. Благословляю вамъ имѣть до 200 рублей. Въ нашемъ положеніи иногда нельзя обойтись безъ запасныхъ денегъ, на примѣръ, въ случаѣ перевода на другое мѣсто. А входить въ долги намъ опасно: въ случаѣ смерти за насъ платить некому и такъ грѣхъ останется на душѣ». Я поблагодарилъ и принялъ деньги безъ смущенія. Но Господь не такъ судилъ о мнѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ я получилъ серію, у меня не стало доставать месячного жалованья на мои нужды, хотя содержаніе мое въ то время увеличилось и класснымъ окладомъ и жалованьемъ по званію соборнаго іеромонаха. Разъ въ крайности размѣнялъ я подаренную мнѣ серію и съ этого времени совсѣмъ пересталъ думать о будущемъ. Но зато Господь Богъ никогда не оставлялъ меня въ нуждѣ. Когда переведенъ я былъ въ Томскъ на должность ректора, мнѣ отпущено было на подъемъ 300 р., чего, насколько мнѣ извѣстно, не дѣлалось ни одному ректору, и потомъ при всѣхъ послѣдующихъ пе-

ремѣщеніяхъ моихъ я получалъ сверхъ прогонѣвъ по 600 и 700 руб. на подъемъ. Въ то время считалось необходимымъ сберегать деньги на случай вызѣва на чреду священнослуженія въ Петербургъ и посвященія въ Архіереи. Я жилъ только настоящимъ, вовсе ни о чемъ не думая, какъ будто мнѣ не быть ни на чредѣ священнослуженія, ни Архіереемъ. И я дѣйствительно не видѣлъ Петербурга, потому что не былъ на чредѣ священнослуженія, а въ Епископы посвященъ въ Иркутскѣ, безъ всякихъ расходовъ съ своей стороны. По случаю посвященія я, напротивъ, самъ получилъ 600 р. отъ Св. Синода на обзаведеніе и ризницу отъ Кабинета Его Императорскаго Величества. И доселѣ замѣчаю, что какъ скоро являются нужды, то являются и деньги, и наоборотъ, если получу откуда-нибудь лишнія деньги, то уже и ожидаю скорого непредвидѣннаго расхода на нихъ и нужда въ расходѣ является неотложною. Деньгами я и доселѣ не дорожу, но долговъ боюсь.

Что сказать мнѣ о своей академической службѣ? Служба моя въ Академіи, особенно въ первые годы, была трудная, какой я послѣ нигдѣ не видѣлъ. Только молодыя силы могли выносить такіе труды, какіе я несъ тогда. Сначала я назначенъ былъ на бакалаврскую кафедру каноническаго права, съ мѣсяцъ готовился я къ чтенію лекцій, но потомъ вдругъ неожиданно состоялось назначеніе меня на профессорскую кафедру церковной исторіи. По каноническому праву читалось только двѣ лекціи въ недѣлю, а по церковной исторіи три. Лекція продолжалась полтора часа. Не мало нужно было перечитать, обдумать и потомъ написать, чтобы чтенія достало на полтора часа. А я заботился не о томъ, чтобы какъ-нибудь растянуть лекцію на полтора часа, а чтобы имѣть возможность въ полтора часа сказать возможно больше. Аккуратность моя въ исполненіи долга была такъ велика, что въ семь съ половиною лѣтъ службы въ Акаде-

мнѣ я разъ только вышелъ съ лекціи за пять минутъ до звонка и это студентамъ такъ показалось замѣчательнымъ, что они на печкѣ въ аудиторіи отмѣтили годъ, мѣсяцъ и число такого необыкновеннаго событія. И ни по одному предмету въ Академіи студенты не занимались такъ усердно, какъ по церковной исторіи, потому что я думалъ не о томъ только, чтобы самому прочесть лекцію, но чтобы и слушатели мои усвоили читанное мною, и настойчиво требовалъ исправной репетиціи прочитаннаго. За то самъ усиленно работалъ умомъ и перомъ съ шести часовъ утра и до полночи, съ небольшимъ только отдыхомъ послѣ обѣда. Никто у меня не бывалъ, ни самъ я никого не посѣщалъ, все время безраздѣльно посвящая наукамъ. Правило относительно вставанія въ шесть часовъ утра и отхода ко сну по полуночи сохраняю и доселѣ, восполняя недостающее количество сна въ послѣобѣденное время. Послѣобѣденный отдыхъ принять мною съ поступленія на службу въ экономическомъ разсчетѣ времени. Если я не ложился спать послѣ обѣда, то не могъ безъ утомленія работать вечеромъ. Такимъ образомъ, чтобы имѣть вечеромъ свѣжую для занятій голову, я предпочиталъ провести часъ или полтора во снѣ послѣ обѣда, когда и безъ того не легко заниматься тяжелымъ умственнымъ трудомъ. Въ послѣдніе годы Академической службы мнѣ стало гораздо легче, когда я усвоилъ свой предметъ, и хотя никогда не оставался безъ дѣла, потому что, кромѣ профессорской, имѣлъ другія должности, писалъ для *Православнаго Собесѣдника* и занимался редакціею чужихъ статей, но труды эти меня не утомляли, потому что я могъ свободно располагать ихъ, не стѣсняясь въ своемъ времени. Тогда особенно, когда сдѣлался архимандритомъ, я сталъ позволять себѣ и дѣлать выѣзды въ два и три дома, извѣстные въ Казани благочестіемъ.

Что касается такъ называемой карьеры по службѣ, то

въ этомъ отношеніи я могу считать службу свою счастливою. Всѣ должности и награды я получалъ прежде, чѣмъ приходила мнѣ въ голову мысль о возможности полученія ихъ. На пятомъ году службы я сдѣлался экстраординарнымъ профессоромъ, на шестомъ — архимандритомъ, а на седьмомъ ординарнымъ профессоромъ, проходилъ всѣ должности, существовавшія тогда въ Академіи, кромѣ ректорской и экономскій, былъ членомъ Академической конференціи, внутренняго и окружнаго Правленія, редакціоннаго Комитета по изданію Православнаго Собесѣдника, цензоромъ, библіотекаремъ, помощникомъ инспектора и не разъ исправлялъ должность инспектора, былъ командированъ для ревизій семинарій и духовныхъ училищъ. Казанскій Архіепископъ Григорій, при которомъ прошла большая часть моеи Академической службы, относился ко мнѣ съ отеческимъ расположеніемъ, ректоры Академіи — Архимандритъ Григорій (послѣ Архіепископъ Калужскій), постригавшій меня въ монахи, архимандритъ Парфеній (послѣ Архіепископъ Иркутскій) и архимандритъ Агаоангель (послѣ архіепископъ Волынкій), относились ко мнѣ благосклонно. Съ сослуживцами никакихъ непріятностей или размолвокъ никогда у меня не происходило, да повидимому не изъ за чего было и происходить имъ, а студенты всегда относились ко мнѣ съ должнымъ послушаніемъ, сознавая авторитетъ мой и силу преимущественно предъ другими профессорами и видя, какъ я самъ серьезно отношусь ко всѣмъ своимъ обязанностямъ. Служилъ я въ Академіи, вовсе не думая о перемѣнѣ службы, и такъ дослужилъ до ректорства въ Казанской Академіи Архимандрита Іоанна, впоследствии Епископа Смоленскаго. Лишь только дошла вѣсть о назначеніи его ректоромъ до Казани, одинъ изъ бывшихъ воспитанниковъ его въ Петербургской Академіи намекнулъ мнѣ, что новый ректоръ не любитъ такихъ монаховъ, какъ я, хотя я не замѣчалъ въ себѣ ничего особеннаго

противъ другихъ монаховъ. Въ то-же время и бывшій мой духовный руководитель Архимандритъ Серафимъ (тогда онъ былъ ректоромъ Тверской Семинаріи) писалъ мнѣ, что трудно мнѣ будетъ угодить ректору Іоанну. Съ небольшимъ годъ служилъ я при немъ въ Академіи, стараясь по возможности держать себя въ сторонѣ, и столкновений у меня съ нимъ не было. *).

Принималъ онъ меня, несмотря на то, что я былъ ординарный профессоръ и архимандритъ, въ пріемной залѣ и стоя; но я и на это не обижался, потому что видѣлъ въ немъ своего начальника, который вправѣ поступать такъ. Если я имѣлъ какіе виды впереди, то единственно въ надеждѣ его недолгой службы въ Казанской Академіи. Но и онъ также не хотѣлъ, чтобы я долѣе оставался въ Академіи. Случай къ тому представился. Въ Томскѣ открывалась Семинарія и Академическому Правленію предписано было представить кандидата въ ректоры новой Семинаріи. Секретно отъ меня представленъ я былъ на должность ректора Томской Семинаріи, разумѣется съ похвалою моимъ способностямъ устроить новую Семинарію, но на самомъ дѣлѣ, чтобы сдѣлать мнѣ непріятность, заславши въ глушь Сибирскую. Онъ не зналъ, что въ этомъ дѣлѣ онъ былъ только орудіемъ Промысла Божія.

---

*) О времени ректорства въ Казанской Академіи Архимандрита Іоанна, вполнѣдствіи епископа Смоленскаго, архіепископъ Веніаминъ дѣлаетъ такой отзывъ: „Не стану описывать управленія его Академіею. Оно имѣетъ свою исторію. Замѣчу только, что въ религіозномъ отношеніи это былъ самый худой періодъ въ Казанской Академіи. Студенты почувствовали новое либеральное вѣяніе: богослуженіе стали совершать кое-какъ, а ректоръ выходилъ изъ себя, что служатъ долго и посылалъ на клиросъ съ приказомъ не тянуть долго; соблюденіе постовъ по уставу оставлено; за утренними и вечерними молитвами студентовъ инспекціи запрещено смотрѣть, выходы студентовъ въ городъ стали невозбранны во всякое время. Все это кончилось извѣстною панихидою по возмущившимся крестьянамъ села Бездны, въ которой студенты академіи приняли участіе вмѣстѣ съ университетскими студентами и за которую нѣкоторые изъ нихъ горько поплатились. А виновникъ несчастья ихъ переведенъ въ ректоры С-Петербургской Академіи съ посвященіемъ въ епископы“.

Когда я былъ еще студентомъ, со мною учился іеродіаконъ Александръ Окрошеридзе изъ грузинъ (впослѣдствіи Епископъ Гурійскій). У него былъ землякъ іеромонахъ въ Иркутскомъ Вознесенскомъ Св. Иннокентія монастырѣ, съ которымъ онъ велъ переписку. Землякъ этотъ прислалъ ему икону св. Иннокентія и рукописное житіе его съ чудесами. Когда о. Александру по окончаніи курса пришлось ѣхать въ Грузію, онъ подарилъ мнѣ икону Святителя и рукопись. Съ этихъ поръ я сталъ молиться св. Иннокентію, по обычаю молиться тѣмъ святымъ, иконы которыхъ имѣлъ въ своей моленной, и угодникъ Божій съ того времени сдѣлался покровителемъ мнѣ грѣшному, какъ это видно будетъ изъ послѣдующихъ разсказовъ. Здѣсь скажу только, что каждый разъ, когда я дарилъ кому икону его, мнѣ немедленно присылалась новая изъ его обители. Такъ, въ Томскѣ я подарилъ его икону и чуть-ли не на той-же недѣлѣ неожиданно получилъ новую отъ настоятеля Вознесенскаго монастыря Архимандрита Димитрія, не имѣя съ нимъ переписки. Въ другой разъ уже въ Благовѣщенскѣ на Амурѣ я вынесъ изъ своей моленной икону Святителя и поставилъ въ гостиную; вслѣдъ затѣмъ также неожиданно получилъ икону Его отъ настоятеля монастыря Архимандрита Мартиніана, тогда какъ прежде, хотя онъ близокъ былъ со мною, никогда не дарилъ мнѣ иконъ св. Иннокентія. Этимъ мнѣ видимо внушалось угодникомъ Божиимъ, чтобы я молился Ему усерднѣе.

Когда получено было предписаніе о моемъ новомъ назначеніи, я, не зная путей Промысла Божія, крайне смущенъ былъ такою переменною службы, цѣлую ночь не спалъ я, волнуемый разными помыслами, заснулъ только къ утру легкимъ сномъ и вижу себя во снѣ въ Томскѣ въ Семинаріи, въ залѣ, по стѣнамъ которой увѣшано много лампадъ, и мнѣ она показалась чѣмъ—то священнымъ, какъ-бы храмомъ. Проснувшись, я нѣсколько утѣшился въ своей скорби. Сонъ мнѣ внушалъ

мысль, что Господь благодатью своею не оставитъ новуію Семинарію, что послѣ и подтвердилось.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Автобіографія Высокопреосвященнаго Веніамина, Архієпископа Иркутскаго.

(Продолженіе).

Выѣхалъ я изъ Казани въ концѣ мая 1858 г., рѣшивши предварительно побывать на родинѣ. Семьсотъ верстъ до родины мнѣ прежде казались слишкомъ далекимъ разстояніемъ и я десять лѣтъ не былъ дома; когда-же перевели меня въ Томскъ за три тысячи верстъ, родное село показалось такъ близкимъ, что я рѣшилъ прежде съѣздить на родину и оттуда уже отправиться въ Сибирь. Путь лежалъ чрезъ Арзамасъ и я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы побывать у молитвенницы моей, болящей схимонахини Антонины. Съ любовію приняла она меня, утѣшила въ скорби о перемѣщеніи въ Сибирь сначала обыкновеннымъ христіанскимъ утѣшеніемъ, а потомъ, вдругъ измѣнившись въ лицѣ, какъ—бы отъ какого видѣнія, воскликнула: «ахъ, какая радость! Архіерей у меня, Архіерей у меня! Будете тамъ Архіереемъ, будете Архіереемъ! Такъ говоритъ царица Небесная, Матерь Божія.» Но тогда отъ меня такъ далека была мысль объ архіерействѣ, что я и думать не могъ, чтобы предсказаніе скоро исполнилось. Мнѣ казалось, что если это и будетъ, то не менѣе, какъ лѣтъ черезъ десять или даже болѣе, потому что самъ духовный руководитель мой архимандритъ Антоній, служившій болѣе 20 лѣтъ, предъ тѣмъ только рукоположенъ въ Епископы Оренбургскіе, а архимандритъ Серафимъ посвященъ въ Епископы позже меня.

Дома я познакомился въ первый разъ съ зятемъ, занявшимъ мѣсто отца со взятіемъ въ замужество моей сестры. При нихъ жила и мать. Въ домѣ все оставалось по прежнему, съ прежнею любовію принимались странники и кормились нищіе. Теперь въ первый разъ я узналъ о обстоятельствахъ истинно блаженной кончины дѣда и отца. Дѣдъ-старецъ

за 80 лѣтъ умеръ почти на ногахъ. Усердіе его къ уединенной молитвѣ я замѣтилъ, когда былъ еще воспитанникомъ Семинаріи и приходилъ домой на вакацію. За недѣлю до смерти онъ попросилъ священника, товарища отца (въ селѣ два священника), исповѣдать его, хотя всѣ находили его здоровымъ, на другой день въ воскресенье причастился Св. Таинъ; спустя недѣлю, также безъ видимой болѣзни, снова сталъ просить пригласить священника для исповѣди и при этомъ сказалъ, что умретъ скоро. Просьба его исполнена; и опять въ воскресенье причастился онъ въ церкви Св. Таинъ, въ понедѣльникъ поутру вышелъ на крыльцо, посидѣлъ, потомъ вошелъ опять въ домъ и говорить: «подойдите я благословлю васъ, я умираю.» Благословивши всѣхъ домашнихъ, ложится и мирно передаетъ духъ Богу. Отецъ также недѣли за двѣ почувствовалъ, что долженъ умереть скоро, спокойно дѣлалъ всѣ распоряженія на случай смерти, собственноручно написалъ мнѣ письмо въ Казань съ извѣстіемъ о близкой своей кончинѣ (онъ умеръ 22 окт. 1856 года) и съ нѣкоторыми порученіями, которыя я долженъ былъ исполнить послѣ его смерти, еще при жизни велѣлъ сестрамъ моимъ сшить траурное платье и даже надѣтъ, чтобы видѣть, какъ исполнена его воля, сдѣлалъ всѣ распоряженія относительно погребенія, между тѣмъ и молитвенно готовился къ смерти, читая акафисты и послѣдованіе священническаго погребенія; находился въ сознаніи до послѣднихъ минутъ жизни. Когда мать, сидя около него, плакала, онъ спросилъ ее, о чемъ она плачетъ. — «Что съ тобою тамъ будетъ?» сказала она. — «Христосъ разбойника спасъ, ужели не спасетъ меня,» — было его послѣднимъ словомъ въ отвѣтъ матери.

Въ Томскѣ Преосвященный Пароеній (бывшій ректоръ Казанской Д. Академіи) принялъ меня съ любовію. Любовно сошелся я и съ новымъ инспекторомъ Семинаріи о. Владиміромъ (теперь Епископъ Бійскій). Дѣятельно начались при-

готовленія къ открытію Семинаріи при горячемъ участіи Преосвященнаго. Домъ, въ которомъ должна была помѣщаться Семинарія, ремонтировался, всю мебель для начальствующихъ, классныхъ и ученическихъ комнатъ, спальныя приборы, всякаго рода, посуду столовую, кухонную и проч. нужно было спѣшить завести въ одинъ мѣсяць до пріѣзда учениковъ. Заготовленіе всего необходимаго шло быстро, благодаря дешевизнѣ на все въ то время въ Томскѣ. Открытіе Семинаріи состоялось въ Семинаріи въ началѣ учебнаго года. Послѣ литургіи въ Соборѣ съ крестнымъ ходомъ принесена была икона Св. Иннокентія въ Семинарію, которую этою иконою благословилъ преосвященный Пароній, самъ сопровождавшій ея до Семинаріи. Съ этихъ поръ благословеніе Св. Иннокентія почило на Томской Семинаріи. Все пошло быстро благоустроиться при общемъ согласіи Преосвященнаго и всѣхъ служащихъ въ Семинаріи, собравшихся, впрочемъ, въ полномъ комплектѣ уже къ концу 1858 г. Ученики прибыли изъ двухъ Семинарій — Тобольской и Иркутской, гдѣ до открытія своей Семинаріи учились томскіе уроженцы. Составъ ихъ былъ довольно пестрый, замѣтно было съ перваго раза во многихъ свѣтское направленіе, такъ что, когда предъ принятіемъ на казенное содержаніе спрошены были искавшіе такого содержанія, желаютъ-ли поступить въ духовное званіе, нѣкоторые не рѣшались дать положительнаго отвѣта, хотя предвидѣли, что могутъ за то лишиться казеннаго содержанія. Для нравственнаго воздѣйствія на учениковъ по крайней мѣрѣ высшаго отдѣленія я взялъ на себя преподаваніе, кромѣ Догматическаго Богословія, еще пастырскаго. Инспекторъ усердно заботился по своей обязанности о нравственномъ порядкѣ въ Семинаріи. Самъ искренно благочестивый, онъ имѣлъ благотворное вліяніе на воспитанниковъ. Плодомъ этого было то, что когда кончили первый курсъ, то не оказалось ни одного желающаго искать счастья поми-

мо служенія Св. Церкви, даже изъ тѣхъ, которые воспитывались на собственномъ содержаніи. Въ городѣ о Семинаріи составилось понятіе гораздо лучше, чѣмъ о гимназій, такъ что даже два гимназиста перешли для обученія въ Семинарію.

Но намъ хотѣлось завершить устройство Семинаріи постройкою въ ней церкви сколько въ видахъ религіозно-воспитательныхъ для учениковъ, столько-же и для собственнаго утѣщенія, чтобы имѣть возможность служить, когда захочется. Но гдѣ было помѣстить ее? Квартира была и безъ того тѣсна. Посоветовавшись съ о. Владиміромъ, мы рѣшили, что я уступлю свое помѣщеніе подъ церковь, онъ уступитъ мнѣ свое, а самъ помѣстится въ тѣсной экономской квартирѣ. Порѣшивши между собою, поѣхали къ Преосвященному Пароенію просить его благословенія на такое самоограниченіе. Но онъ побѣдилъ насъ своимъ великодушіемъ. Незмотря на бѣдность Томскаго Архіерейскаго дома, которому принадлежалъ домъ, отданный подъ Семинарію, Преосвященный не хотѣлъ насъ лишать нашихъ квартиръ, а предложилъ на счетъ своего дома сдѣлать приличную пристройку къ главному корпусу фасадомъ по Большой улицѣ для помѣщенія церкви. Сказано-сдѣлано. Тотчасъ-же принялся онъ за обѣщанное дѣло, начерченъ планъ, приготовленъ матеріаль (пристройка дѣлалась каменная), оставалось сдѣлать по церковному чину закладку. Отправляемся къ Преосвященному просить благословенія, въ чье имя закладывать церковь. У меня было горячее желаніе, чтобы церковь была во имя Св. Иннокентія. Но я подавилъ въ себѣ свои чувства и съ полнымъ самоотреченіемъ отправился ко Владыкѣ съ убѣжденіемъ, что въ его волѣ я узнаю волю Божию. Послѣ обычнаго ласковаго пріема Владыки, лишь только я успѣлъ сказать, въ чье имя благословите строить церковь, какъ онъ быстро съ твердостью отвѣтилъ: «во имя Св. Иннокентія!» Точно самъ Святитель отвѣтилъ его устами, такъ отозвались

его слова въ моемъ сердцѣ. Точно въ опьяненіи отъ душевнаго восторга возвратился я домой, чтобы на другой-же день совершить закладку храма во имя Св. Иннокентія.

Это было предъ лѣтнею вакаціею. Мнѣ предстояло ѣхать въ Красноярскъ на ревизію духовнаго училища, подвѣдомаго Томскому Семінарскому Правленію. Но и самую ревизію я испросилъ у Преосвященнаго, чтобы кстати съѣздить въ Иркутскъ на поклоненіе угоднику Божію Св. Иннокентію. Въ Иркутскъ пріѣхалъ въ вакацію и остановился у ректора Семинаріи Архимандрита Дмитрія, который вмѣстѣ былъ и настоятель Вознесенскаго Св. Иннокентія монастыря. Не стану говорить о знакомствѣ моемъ съ Преосвященнымъ Евсеіемъ, тогдашнимъ Архіепископомъ Иркутскимъ, которому Господь судилъ мнѣ быть преемникомъ по Иркутской кафедрѣ, съ извѣстнымъ протоіереемъ Громовымъ, пожелавшимъ мнѣ быть въ Иркутскѣ Веніаминомъ II (первый Веніаминъ Иркутскій Епископъ былъ въ началѣ настоящаго столѣтія). Я ѣхалъ къ св. Иннокентію, а благожеланіе принялъ за комплиментъ остроумнаго протоіерея. Искалъ я древняго портрета св. Иннокентія для списанія съ него иконы для своей семинарской церкви. Несмотря на запрещеніе Св. Синода касаться гроба, въ которомъ Святитель нетлѣнно почивалъ въ землѣ и который также сохранился въ цѣлости, настоятель удѣлилъ мнѣ часть отъ него для написанія иконы Св. Иннокентія. Икона заказана извѣстному въ Иркутскѣ иконописцу Старцеву. Между тѣмъ мысль о Семинаріи, особенно объ общей квартирѣ для учениковъ, заведенной нами едва-ли не прежде всѣхъ въ Россіи, сильно озабочивала меня, какое-то предчувствіе тяготило мою душу, молился я угоднику Божію не о себѣ и своихъ грѣхахъ, а о дорогой для меня Семинаріи, которая, мнѣ казалось, находилась въ опасности, хотя въ настоящемъ ничто не предвѣщало ея, молился я съ тугою и болью сердечною. Съ такою молитвою,

когда я въ послѣдній разъ приложился къ Св. мощамъ угодника Божія, вдругъ въ сердце моемъ явственно сказалъ онъ мнѣ, что онъ мой и Семинаріи моей покровитель. Какъ ошеломленный отъ чрезвычайной радости отошелъ я отъ раки угодника Божія. Въ сердце моемъ возгорѣлось сильное желаніе остаться въ монастырѣ его. Мнѣ казалось, что лучшаго для меня счастья не можетъ быть. Хотя это желаніе не могло исполниться, но доселѣ великою милостію Св. Иннокентія я остаюсь въ предѣлахъ его Святительской дѣятельности.

Постройка церкви въ Томской Семинаріи продолжалась до осени 1860 г. Когда совершенно было освященіе ея Преосв. Пароувіемъ, мы съ о. Владиміромъ рѣшились совершать ежедневное Богослуженіе съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ недостатка денежныхъ средствъ церкви, недостающее восполнять отъ собственнаго жалованья. Къ намъ присоединился въ этомъ дѣлѣ и экономъ семинаріи іеромонахъ Іаковъ. На троихъ падало въ недѣлю по два дня череднаго служенія, а въ воскресные и праздничные дни служили вмѣстѣ соборно. Но угодникъ Божій Св. Иннокентій не заставилъ насъ платить изъ своего жалованья за служеніе въ его храмѣ. Икона его, писанная на гробовой доскѣ, скоро сдѣлалась благодатнымъ источникомъ исцѣленій и Семинарскій храмъ сдѣлался богатымъ храмомъ. Литургія кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней была ранняя и ученики охотно исполняли псаломщическія обязанности, а другіе приходили просто помолиться. Въ праздничные и воскресные дни церковь до тѣноты наполнялась посторонними богомольцами. Благодать Божія видимо почивала на Семинаріи.

Но недолго пришлось намъ утѣшаться своею Семинарію. Преосвященный Пароуеній въ томъ-же 1860 г. переведенъ въ Иркутскъ, а на его мѣсто переведенъ изъ Уфы Преосвященный Порфирій, послужившій для меня въ иномъ родѣ орудіемъ Божественнаго Промысла. Но здѣсь я долженъ

остановиться на нѣкоторое время на другомъ лицѣ.

Въ Томскѣ въ это время жила юродивая Домна Карповна. Кто она была — вѣрно никто не зналъ. Официально писалась она Марьею Слѣпченко, судившеюся въ Полтавской губерніи за бродяжество и безъ наказанія сосланною въ ссылку въ Томскую губернію. Подобные примѣры ссылки въ Сибирь странниковъ — богомольцевъ за неимѣніе билета и скрытіе своего происхожденія бывали и доселѣ бывають нерѣдко. И теперь въ Иркутскомъ Архіерейскомъ домѣ въ числѣ братіи находится трое такихъ ссыльныхъ, изъ коихъ одинъ давно уже іеромонахъ. Для меня Домна Карповна прежде всего замѣчательною показалаь тѣмъ, что очень похожа была особенно глазами на болящую схимонахиню Антонину. По праву юродства она скоро познакомилась со мною и инспекторомъ и нерѣдко бывала у насъ. Я не разъ замѣчалъ, что какъ вспомнишь бывало объ ней съ желаніемъ видѣть ее, она тотчасъ-же являлась безъ зову, прозорливо провидя мысль мою. Были случаи, что она цѣлую ночь проводила въ молитвѣ предъ иконою св. Иннокентія въ залѣ моей квартиры, а къ утру восторженно пѣла безконечное число разъ *достойно естъ*. Когда строилась Семинарская церковь, она не разъ говорила эконому о. Іакову: „скажи архіерейчику (такъ она звала меня и при встрѣчѣ пѣла мнѣ: „ис-полла-эти деспоту“), не такъ онъ строить церковь, худо будетъ! Потомъ на проводахъ Преосв. Пароенія за городомъ она, увидѣвши меня, сказала: „ну, папаша, теперь надо лопать (одежду) мѣнять!“ Оба эти предсказанія скоро оправдались.

Событія жизни Преосвященнаго Порфирія по прежней его службѣ сложились такъ, что нигдѣ онъ не имѣлъ мира душевнаго. Отъ того, чѣмъ дальше, тѣмъ больше портился его характеръ. Что самое здоровье его падорваво было несчастными обстоятельствами его жизни — показала послѣ смерть

его отъ разрыва сердца въ припадкѣ раздраженія. Вынужденный всегда *отписываться*, онъ приобрѣлъ привычку смотрѣть на людей подозрительно, вездѣ предполагать подлоги и обманы, особенно въ денежныхъ дѣлахъ. Кромѣ того, по отношенію къ намъ онъ слѣдовалъ еще нечистымъ внушеніямъ сослуживца нашего І. С., которому хотѣлось выжить о. Владиміра изъ Семинаріи, чтобы самому занять его мѣсто! По казенной экономіи, отчетность въ которой велась по узаконенной формѣ, не къ чему было придраться; принялись за отчетность по церкви и особенно общей квартирѣ учениковъ, находившейся въ вѣдѣніи Инспектора. Домна Карповна справедливо говорила, что не такъ я дѣлалъ, какъ слѣдовало, потому что и по церкви и по общей квартирѣ велась только простая запись прихода и расхода. Наряжена была преосв. Порфиріемъ особая коммиссія для учета насъ, потомъ мы устранены были отъ должностей съ удержаніемъ двухъ третей изъ нашего жалованья. Дѣлалось все это домашнимъ образомъ, безъ донесенія Св. Синоду и Окружному Академическому Правленію, пока мы сами не донесли о слѣдствіи надъ нами и устраненіи отъ должностей Академическому Правленію.

Но на все это была воля Божія. Когда я разъ въ самый разгаръ столкновенія встрѣтилъ Домну Карповну и попросилъ ея молитвъ, она со вздохомъ отвѣтила: „молюсь, молюсь, но молитва отнимается“. Значить, нужно было мнѣ это испытаніе и Господу неугодно было преждевременно устранять онаго. Еще наканунѣ устраненія меня и инспектора отъ должностей Секретарь Семинарскаго Правленія Кивинъ (Іеромонахъ Тихонъ) видѣлъ такой сонъ: будто на присутственномъ столѣ Правленія лежатъ мощи св. Иннокентія. Я и о. Владиміръ стоимъ внѣ Правленія, остается одинъ экономъ о. Іаковъ. Вдругъ св. мощи начинаютъ падать съ присутственнаго стола; о. Іаковъ старается поддер-

жать ихъ, чо не имѣеть силъ и онѣ падаютъ.

Но Господь не оставлялъ насъ въ то-же время своею помощію и вразумленіемъ. Замѣчательнъ для меня былъ случай съ предписаніемъ Академическаго Правленія по дѣлу объ открытіи общей ученической квартиры. По человѣческимъ соображеніямъ предписаніе это я просилъ секретаря заложить куда-нибудь подальше, чтобы не попалось на глаза слѣдственной Комиссіи, потому что имъ между прочимъ поставлялось на видъ Семинарскому Правленію, что оно открыло общую квартиру, не испросивши напередъ разрѣшенія Академическаго Правленія. Секретарь, вполне преданный мнѣ, по какому-то для него самаго непонятному недоразумѣнію, напротивъ, вшилъ предписаніе на видное мѣсто въ дѣло, подлежащее передачѣ Комиссіи. И что-же потомъ оказалось? Эта бумага прочимъ содержаніемъ своимъ и послужила намъ главною опорою въ защитѣ нашихъ дѣйствій. Была у насъ мысль заднимъ числомъ написать отчетность по общей квартирѣ въ формѣ, требуемой казенною отчетностію. И эта мысль также внушеніемъ свыше была отклонена, какъ недостойная честнаго дѣла.

Были и благодатныя утѣшенія въ скорбяхъ, чтобы возмощи намъ понести ихъ безропотно. Лѣтомъ въ Томскѣ приносятъ изъ сосѣднихъ селеній чудотворныя иконы Спасителя и Божіей Матери. Когда провожали икону Божіей Матери обратно въ село Богородское, я, бывши, въ крестномъ ходу, съ тугою сердечною молился Царицѣ небесной объ облегченіи своей скорби. По возвращеніи домой легъ отдохнуть и вижу во снѣ себя стоящимъ на краю какого-то оврага, впереди меня стоитъ Царица; вдругъ она начинаетъ спускаться въ оврагъ, я за нею, но тутъ она становится невидимою для меня, а себя я вижу на лугу, освѣщенномъ солнцемъ, и протодіаконъ въ облаченіи съ кадиломъ встрѣчаетъ меня по архіерейскому чину. Проснувшись, утѣшился я этимъ

сновидѣніемъ, которымъ дано мнѣ понять, что Царица Небесная не оставляетъ меня. Но встрѣча по архіерейскому чину оставалась для меня непонятною, потому что я и прежде не думалъ о полученіи по крайней мѣрѣ скоро архіерейскаго сана, а при бывшихъ тогда обстоятельствахъ я еще менѣе думалъ объ архіерействѣ.

Большимъ утѣшеніемъ для насъ служило и сочувствіе намъ всего, можно сказать, города при полной увѣренности въ нашей невинности и преданности намъ не только преподавателей, но и учениковъ, которыхъ мы далеко не баловали, держали въ должной строгости, вовсе не думая о любви ихъ, а только сами любя ихъ искреннею любовію. Когда устранили насъ съ о. Владиміромъ отъ должностей, ученики пришли къ намъ съ заявленіемъ, что кромѣ насъ они не признаютъ никакого другого начальства, и мы должны были уговаривать ихъ покориться волѣ Преосвященнаго. Къ утѣщенію нашему вступившій въ должность ректора каед-ральный протоіерей предоставилъ въ наше распоряженіе Семинарскую церковь и мы попрежнему могли служить каждый день при участіи воспитанниковъ. И вновь прибывшій на мое мѣсто ректоръ Архимандритъ Моисей также не лишалъ насъ этого самаго важнаго утѣшенія. Матеріальныя средства наши тоже какимъ-то образомъ, какъ у Сарептской вдовицы, не истощались, хотя мы сначала получали только треть жалованья, а потомъ съ пріѣздомъ новыхъ ректора и инспектора и совсѣмъ остались безъ жалованья. И добрые люди не оставляли насъ, такъ что мы жили нисколько не стѣняя себя противъ прежняго.

Дѣло наше впоследствии было въ разсмотрѣніи Св. Синода; но предварительно прошено было Синодомъ мнѣніе приснопамятнаго митрополита Московскаго Филарета. Хорошо зная преосвященнаго Порфирія, бывшаго своего викарія, онъ весьма снисходительно, а св. Синодъ еще снисходительнѣе

отнесся къ нашимъ упущеніямъ и онъ даже не поставлены намъ на видъ Св. Синодомъ, только когда о. Владиміръ, переведенный за бывшія скорби въ Инспекторы С.-Петербургской Академіи, явился къ Преосвященному Митрополиту Исидору, то получилъ отъ него словесное замѣчаніе, въ равной мѣрѣ относившееся и ко мнѣ.*) Впрочемъ, предписано было преемникамъ нашимъ дознать, не было-ли какихъ злоупотребленій, но таковыхъ не было найдено и рѣше комиссіею, назначенною самимъ Преосв. Порфиріемъ, Вся вина моя состояла въ томъ, что собиравшіяся на постройку церкви въ Семинаріи деньги не вносились въ Правленіе, а велась мною для нихъ особая приходорасходная книга и деньги выдавались подрядчику подъ расписку на контрактъ безъ опредѣленія Семин. Правленія. Такъ дѣлалось съ согласія Пр. Пароенія, вполне мнѣ довѣрившаго.

Но прежде, чѣмъ дѣло официально дошло до Св. Синода, оно было уже извѣстно и въ Казани, и въ Москвѣ и въ Петербургѣ, хотя мы, не зная, какъ пойдетъ дѣло далѣе, прекратить-ли его Преосвященный Порфирій самъ, видимо, нежелавшій доводить о немъ до свѣдѣнія высшаго начальства, или доведетъ Св. Синоду, мы удерживались отъ сообщенія кому-либо о своемъ положеніи. Въ это время присутствовали въ Св. Синодѣ Преосвященный Григорій Калужскій, постригавшій меня въ Академіи въ монахи. Онъ узналъ отъ Преосвященнаго Антонія Оренбургскаго о моемъ положеніи въ Томскѣ и самъ написалъ мнѣ, чтобы я прислалъ прошеніе о перемѣщеніи меня изъ Томской Семинаріи въ другую на ту-же должность ректора. Я немедленно отправилъ прошеніе на имя Оберъ-Прокурора, мотивируя свою просьбу вреднымъ вліяніемъ сибирскаго климата на мое здоровье. Но къ удивленію прошеніе мое, несмотря на то, что было

---

*) О положеніи нашемъ въ Томскѣ въ это время можно прочесть въ письмахъ Преосв. Парфенія къ Пр. Платону Костромскому, помѣщенныхъ въ Гастерскомъ Собесѣдникѣ за 1880 г. № 8.

застраховано, не дошло по назначенію. Однакожь по ходатайству Преосвященнаго Григорія я безъ прошенія переведенъ былъ ректоромъ въ Костромскую Семинарію съ назначеніемъ настоятелемъ второкласснаго Игрицкаго Богородицкаго монастыря. Обрадовался я, получивши предписаніе о перемѣщеніи. Оно избавляло меня отъ того, что я терѣлъ въ Томскѣ, и давало мнѣ лучшее мѣсто. Но когда я вошелъ въ Семинарскую церковь и взглянулъ на икону Св. Иннокентія, вдругъ такъ тяжело мнѣ стало, что я тутъ-же сказалъ себѣ: нѣтъ, лучше быть подъ судомъ, только-бы не лишиться покровительства угодника Божія Св. Иннокентія, чего я, мнѣ казалось, долженъ буду лишиться, если оставлю Сибирь. Вскорѣ я частно узнаю, что Преосвященный Порфирій получилъ отъ Оберъ-Прокурора бумагу съ опредѣленіемъ Св. Синода, чтобы я не оставлялъ Томска до какихъ-то новыхъ о мнѣ распоряженій. Была бумага и мнѣ отъ Духовно-учебнаго Управленія, но она по ошибкѣ послана была въ Кострому. Такимъ образомъ я не зналъ, что за причина задержки меня въ Томскѣ, а между тѣмъ бумага Оберъ-Прокурора къ Преосвященному давала случай слѣдственной Комиссіи продолжать терзать меня, отнимая право на выѣздъ. Видно Господу угодно было продолжать скорбь мою для смиренія моего. Послѣ объяснилось, что задержанъ я былъ въ Томскѣ потому, что началось дѣло о назначеніи меня Викаріемъ Иркутскимъ и первымъ начальникомъ несуществовавшей еще Забайкальской миссіи. Иркутскій Преосвященный Пароеній безъ вѣдома моего представилъ меня въ викаріи своей епархіи. Такъ какъ я на службѣ былъ всего одиннадцать лѣтъ, то Св. Синодъ во Всеподданнѣйшемъ докладѣ помѣстилъ меня третьимъ, т. е. послѣднимъ кандидатомъ, единственно изъ уваженія къ представленію Иркутскаго Преосвященнаго. Но Государь Императоръ вопреки обычаю утверждать перваго кандидата,

5 февраля 1862 г. написалъ на докладѣ Св. Синода: *Быть третьему*. Такое Высочайшее повелѣніе, какъ писалъ мнѣ Преосвященный Григорій, удивило всѣхъ въ Синодѣ. Но видно такого была о мнѣ воля Божія. Сердце царевы въ руцѣ Божіи. Когда я получилъ извѣщеніе объ этомъ отъ Преосв. Григорія, какое-то смятеніе овладѣло моими чувствами. Я думалъ, что до архіерейства я долженъ прежде достигнуть духовнаго совершенства, хотя сколько-нибудь близкаго къ тому, какое я видѣлъ въ своихъ духовныхъ руководителяхъ, между тѣмъ одинъ изъ нихъ еще оставался архимандритомъ, когда я уже удостоиваюсь сана архіерейскаго. Мнѣ казалось, что своимъ возвышеніемъ я оскорбилъ того, предъ кѣмъ такъ благоговѣю. Вѣрую, что такъ сотворить о мнѣ угодно было Св. Иннокентію, моему небесному покровителю. Такъ исполнилось на мнѣ пророчество болящей схимонахини Антонины, слишкомъ ясные намеки блаженной Домны Карповны и наконецъ сонное видѣніе, данное мнѣ въ утѣшеніе въ скорби Царицею Небесною.

Миссіонерское служеніе, на которое я теперь призывался промысломъ Божіимъ, было издавна предметомъ моихъ неясныхъ желаній. Еще въ дѣтствѣ съ особеннымъ интересомъ читалъ я житіе Свв. Кирилла и Меодія, просвѣтителей Славянъ и Св. Стефана, просвѣтителя Зырянъ. Помню, какъ въ дѣтскомъ умѣ моемъ родилась мысль, какъ-бы и мнѣ также идти обращать язычниковъ къ христіанской вѣрѣ, но я не видѣлъ ихъ около себя, не зналъ даже, есть-ли они еще гдѣ-нибудь въ наше время. Мысль эта стала болѣе ясною, когда я уже былъ студентомъ Казанской Академіи. Помню, какъ смотря на богатые дома въ Казани, я часто думалъ про себя, что если-бы эти дома принадлежали мнѣ, то что-бы я сдѣлалъ изъ нихъ. И всегда отвѣтомъ сердца было: я продалъ-бы ихъ и деньги употребилъ на учрежденіе миссіи. А дорогіе кресты и украшенія превратилъ-бы въ ка-

питалъ. Открытіе миссіонерскихъ отдѣленій въ Казанской Академіи было принято мною съ особеннымъ восторгомъ. Но посвятить свое время на занятіе трудными восточными языками я тогда не могъ, потому что, стоя въ числѣ первыхъ студентовъ, дорожилъ временемъ для занятій предметами богословскими, тѣмъ болѣе, что имѣлъ въ виду скоро сдѣлаться монахомъ. А самую главною, удерживающею отъ поступленія въ миссію причиною было то, что я не видѣлъ миссіи на дѣлѣ. Въ Казани тогда не было миссіи, а Алтайская и Камчатская представлялись мнѣ такъ далеко и въ такомъ туманѣ, чуть не на томъ свѣтѣ. Но я всетаки серьезно смотрѣлъ на учрежденныя въ Академіи противомусульманское и противобуддійское миссіонерскія отдѣленія, интересовался ученіемъ Магомета и Будды Шакьямуни и все ждалъ, что рано или поздно правительство примѣнитъ къ жизни ученія занятія по миссіонерскимъ предметамъ въ Академіи. Въ церковной исторіи, которую сверхъ моего ожиданія пришлось мнѣ читать въ Академіи, я также особенное вниманіе обращалъ на распространеніе въ мірѣ христіанства и на то, какъ совершалось оно. Когда Преосв. Иннокентій былъ въ Казани проездомъ изъ Петербурга, куда онъ вызывался для присутствія въ Св. Синодѣ, я поспѣшилъ отдѣльно отъ начальства представиться ему по пріѣздѣ, чтобы разспросить его, что думаетъ Св. Синодъ сдѣлать изъ нашихъ миссіонерскихъ отдѣленій при Академіи. Своими разспросами о миссіи я такъ заинтересовалъ его, что онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе, не желаю ли поступить къ нему въ миссію. Но тогда я былъ уже архимандритъ и ординарный профессоръ; самопожертвованіе для миссіи требовалось слишкомъ большое. Я, помнится, отвѣтилъ, что предоставляю это дѣло волѣ Божіей. И эта воля Божія вопреки моей человѣческой воли вывела меня изъ Академіи, къ которой я такъ привыкъ, и сначала поставила недалеко отъ Алтайской миссіи. Въ

Томской Консисторіи, въ которой я, по должности ректора Семинаріи, состоялъ членомъ, я съ интересомъ слѣдилъ за дѣлами по Алтайской миссіи, читалъ отчеты миссіонеровъ и не упускалъ случая при свиданіи съ миссіонерами въ Томскѣ бесѣдовать о ихъ занятіяхъ. Помню, и сослуживецъ мой о. Владиміръ также съ особенною любовію принималъ миссіонеровъ и съ жадностію выслушивалъ ихъ рассказы о бытѣ инородцевъ и ихъ отношеніи къ христіанству. Основатель Алтайской миссіи Архимандритъ Макарій, извѣстный лично многимъ въ Томскѣ, былъ предметомъ особеннаго благоговѣнія нашего и нашихъ разспросовъ. Горькія служебныя обстоятельства невольна заставили меня наконецъ обратиться къ мысли самому сдѣлаться миссіонеромъ. Въ то время Оренбургскимъ Преосвященнымъ былъ Антоній, мой духовный руководитель, и я рѣшилъ въ своемъ умѣ, что если меня уволятъ отъ ученой службы, то уѣду къ нему и буду служить миссіонеромъ въ его епархіи. Такъ промыселъ Божій постепенно отрѣшалъ мою мысль отъ того пути, на которомъ я стоялъ, и велъ на другой путь—миссіонерскій.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Автобіографія Высокопреосвященнаго Веніамина, Архієпископа Иркутскаго.

(Окончаніе).

Въ Иркутскѣ я пріѣхалъ 4 апрѣля въ среду вечеромъ на страстной недѣлѣ, а посвященъ въ епископа 20 мая въ воскресенье послѣ Вознесенья, потому что ранѣе этого времени не могъ пріѣхать въ Иркутскѣ Преосвященный Никодимъ, Еп. Енисейскій, назначенный Св. Синодомъ участвовать въ моемъ посвященіи. Въ это время я жилъ сперва въ Архіерейскомъ домѣ, а потомъ въ Вознесенскомъ Св. Иннокентія монастырѣ, для молитвеннаго приготовленія къ посвященію въ Епископа. Съ Преосвящен. Пароеніемъ у меня шла постоянная бесѣда о предстоявшемъ мнѣ миссіонерскомъ служеніи. Однажды зашла рѣчь объ отношеніяхъ гражданскаго начальства къ обращенію инородцевъ къ христіанству и о томъ, что нынѣ нѣтъ уже того содѣйствія распространенію христіанства, какое, какъ извѣстно изъ исторіи, было прежде, что даже законныя требованія Епархіальнаго начальства въ этомъ отношеніи остаются безъ уваженія. Послѣ этого разговора я вижу во снѣ: будто-бы я нахожусь въ домовой Архіерейской церкви, за мною стоитъ ученикъ Томской Семинаріи (впослѣдствіи служившій въ Забайкальской миссіи, Стефанъ Олофинскій). Вдругъ входитъ въ церковь Царь и мы запѣли Ему «Господи помилуй». Я подумалъ про себя, зачѣмъ-же мы поемъ Ему «Господи помилуй». Тогда онъ подходитъ ко мнѣ и говоритъ: «если-бы епископы больше воилились, тогда не нужно было бы никакое содѣйствіе начальства». Слова эти навсегда врѣзались въ моему умѣ и сердцѣ. Въ продолженіе моей миссіонерской службы я искалъ

отъ гражданскаго начальства не содѣйствіи обращенію ино-
родцевъ, а только устраненія препятствій обращенію ихъ,
заключающихся въ горькомъ положеніи крещенныхъ среди
языческаго общества и подъ языческимъ начальствомъ. Но
видно Господу не угодно было внѣшнею силою устранять
даже препятствія къ распространенію христіанства, чтобы не
безъ подвиговъ и борьбы совершалось оно. Сколько ни дѣ-
лалось мною попытокъ въ этомъ отношеніи даже при благо-
расположенныхъ къ распространенію христіанства начальникахъ,
какимъ былъ Забайкальскій губернаторъ Евг. Мих. Жуков-
скій, препятствія эти остаются доселѣ. Явленъ мнѣ былъ въ
это-же время, еще до посвященія въ епископы, и виновникъ
этихъ препятствій и нерѣдко озлобленныхъ противодѣйствій,
распространенію Св. вѣры. Не помню въ какой праздникъ
служилъ я вмѣстѣ съ Преосв. Пароеніемъ и потомъ во вре-
мя обѣда горячо говорилъ съ нимъ о предстоящемъ мнѣ слу-
женіи. Послѣ обѣда заснулъ я и вижу во снѣ, будто ѣду
я льдомъ по Байкалу на мѣсто своего служенія; вдругъ на-
встрѣчу мнѣ выходитъ страшный черный звѣрь и старается
не дать мнѣ ѣхать далѣе. Сердце мое чувствуетъ, что это
сатана не пускаетъ меня. Я сталъ смотрѣть по сторонамъ,
какъ бы миновать его, но вижу на противоположномъ бе-
регу Байкала, куда мнѣ слѣдовало ѣхать, множество бѣсовъ
грозятъ мнѣ и не хотятъ пустить меня. Я подумалъ, что
вѣдь сегодня служилъ я и причащался Св. Таинъ, чего-же
мнѣ бояться, если они и растерзаютъ меня; съ этою мыслию
рѣшилъ ѣхать напроломъ, и вдругъ и черный звѣрь и бѣсы
всѣ исчезли. Такъ показано мнѣ было, чтобы я всегда по-
мнилъ, что *нѣсть наша брань къ плоти и крови, но къ на-
чаломъ и ко властемъ міродержителемъ тьмы вѣка*. Послѣ,
когда случались враждебныя нападенія на миссію не отъ
язычниковъ только, но и отъ мнимыхъ христіанъ, Преосв.
Пароеній, которому я въ свое время рассказалъ этотъ сонъ,

всегда говорилъ мнѣ: это дѣло чернаго звѣря, котораго вы видѣли во снѣ. И самъ я часто замѣчалъ, что чѣмъ успѣшнѣе идетъ дѣло проповѣди, или чѣмъ съ большимъ напряженіемъ начинаешь расчищать заросшую терпіемъ язычества почву, тѣмъ болѣе видишь вражды отсюду.

Поелику я былъ первый викарій Иркутской епархіи,*) то предстояло мнѣ немало хлопотъ по обзаведенію всеѣмъ необходимымъ на новомъ мѣстѣ. Посольскій монастырь, назначенный моимъ мѣстопребываніемъ, имѣлъ всего содержанія въ годъ отъ трехъ до четырехъ тысячъ, включая въ то число и штатный окладъ, а между тѣмъ для архіерейскаго служенія нужно было имѣть достаточное число братіи и хотя какой-нибудь хоръ пѣвчихъ. Въ монастырѣ, кромѣ архимандрита, былъ всего одинъ іеромонахъ и одинъ послушникъ съ двумя исключенными изъ училища мальчиками. И помѣщеніе было только на это число братіи. Объ учрежденіи миссіи и училища при монастырѣ, повидимому, нельзя было и думать. Но я, неопытный въ хозяйствѣ, не привыкшій къ расчетливости, потому что никогда отъ одного мѣсяца не оставлялъ ничего къ другому изъ своего жалованья, совершенно дѣтски отнесся къ очевидной скудости средствъ, думалъ только о томъ, гдѣ взять людей, а куда ихъ помѣстить и на что содержать, то мнѣ какъ будто и въ голову не приходило. И Промыслъ Божій видимо самъ пекся обо всемъ этомъ. Прежде, чѣмъ самъ я сталъ приглашать къ себѣ на службу, стали являться ко мнѣ нужные люди сперва для устройства Архіерейскаго богослуженія, а потомъ и для миссіонерскаго служенія. Я принималъ просившихся и каждому назначалъ дѣло. Въ то же время началъ заводить необходимыя постройки для помѣщенія прибывшей братіи, устраивать жилище себѣ и капитально ремонтировать оба монастырскіе храма. За вся-

---

*) Первый Иркутскій Викарій Іоасафатъ Болотовъ былъ посвященъ для нашихъ Американскихъ владѣній и, не дошедши до мѣста служенія, утонулъ въ морѣ вмѣстѣ съ кораблемъ.

кое дѣло брался я, не справляясь о деньгахъ, потому что въ монастырѣ запасныхъ денегъ не было и содержался онъ изо дня въ день текущимъ приходомъ. Несмотря на то, средства на все находились, такъ что чѣмъ больше было расходу, тѣмъ больше и приходу. Доходъ монастырскій противъ прежняго возвысился въ пять разъ, то есть, сталъ доходить до двадцати тысячъ руб. въ годъ. И достигалось это помимо всякихъ моихъ усилій, какъ бы само собою. Въ Посольскомъ монастырѣ было произведено очень много построекъ, необходимыхъ для братіи и для миссіонеровъ, имѣвшихъ здѣсь пребываніе и для миссіонерскаго училища. Время это было самое оживленное. Постоянно кипѣли работы. Церкви украшены, а нѣкоторыя каменные—отдѣланы заново. На берегу Байкала сооружена часовня Св. Николая на пароходной пристани, привлекавшая массы богомольцевъ, проѣзжающихъ чрезъ Байкаль, а зимой съ обозами, дававшихъ лепты для миссіи. Все это приводитъ меня къ убѣжденію, что всякое дѣло Божіе устрояется промысломъ Божиимъ, а мы своимъ маловѣріемъ только способны мѣшать ему. Прибавлю и еще позднѣйшій подобный случай. Когда въ 1875 г. рѣшился я начать постройку новаго Иркутскаго собора, строительный комитетъ не могъ выбрать архитектора. Кого я не предлагалъ, всѣ имъ браковались и самъ онъ никого не указывалъ. Въ скорби объ этомъ легъ я въ постель, но уснуть долго не могъ и молился, чтобы Господь и Матерь Божія, которой храмъ предполагалось строить, указала мнѣ архитектора. Когда наконецъ я уснулъ, то вижу во снѣ, что соборъ какъ бы вытягиваетъ изъ земли канатомъ военный инженеръ Огонь-Догоновскій и, выткнувши до известной высоты, оставилъ работу. Работа мнѣ понравилась, только я недоумѣвалъ, почему онъ дальше не строить. Послѣ этого сна я съ увѣренностію предоставилъ ему постройку собора. Что же вышло потомъ? Соборъ онъ дѣйствительно построилъ,

но только до той высоты, на которой я видѣлъ его во снѣ. Пожаръ 1879 г. остановилъ работу, Огонь-Догоновскій уѣхалъ на службу на Кавказъ и хотя снова былъ приглашаемъ мною, отказался отъ работы, которая и окончена была барономъ Розеномъ.

Тѣмъ же промышленіемъ Божественнымъ устроилась и миссія. Когда я назначенъ былъ начальникомъ Забайкальской миссіи, ее составляли всего три миссіонера съ штатнымъ отъ казны жалованьемъ, но безъ причетниковъ и безъ становъ. Въ шесть лѣтъ моего служенія безъ пособія отъ казны, единственно надеждою на помощь Божію, построено двѣнадцать становъ съ церквами и домами, со столькими же миссіонерами и при нихъ причетниками, съ училищемъ и богадѣльнею для новокрещенныхъ въ Посольскомъ монастырѣ. Отъ перваго миссіонерскаго общества, открывшагося за два года до оставленія мною Забайкальской миссіи, я получилъ всего семь тысячъ съ чѣмъ-то рублей. А между тѣмъ нужно было чѣмъ-нибудь и постройки производить и миссіонеровъ содержать и дѣлать расходы по заведенію бѣлья, иконъ и на вспоможеніе бѣднымъ новокрещеннымъ. На все это средства посылалъ Господь Богъ. Сборщиковъ я никогда не посылалъ, а все необходимое люди сами давали, сами вызывались строить церкви и богадѣльню, сами предлагали деньги на расходы. Случалась иногда неотложная нужда въ деньгахъ, а взять негдѣ. И что же? Смотришь, или повѣстка съ почты о полученіи денежнаго пакета, или является человекъ съ предложеніемъ пожертвованія. Одинъ, помню, объяснилъ еще мнѣ, что у него было намѣреніе сдѣлать пожертвованіе послѣ, да вдругъ почему то пришла мысль отнести деньги теперь же, и вотъ онъ и принесъ свою жертву. А жертва эта была для меня крайне необходима, потому что я только что получилъ письмо отъ миссіонера, которымъ онъ просилъ меня поскорѣе прислать ему денегъ на неотложныя нужды. Все это укрѣпля-

ло во мнѣ вѣру, что врученное мнѣ дѣло есть дѣло Божіе и находится подъ особеннымъ промыслиемъ Божественнымъ.

И людей для служенія въ миссіи невидимо Самъ Господь посылалъ. По неимѣнію положительныхъ средствъ я не могъ приглашать въ миссіонеры семейныхъ людей, зато ко мнѣ пріѣзжали на службу іеромонахи, люди нестяжательные, способные и горячо преданные своему дѣлу. Зная скудость средствъ миссіи, они безропотно терпѣли недостатокъ и даже сами изыскивали средства на построеніе становъ и церквей въ мѣстахъ своего служенія. Незнакомые, какъ и я самъ, съ новымъ дѣломъ, вѣрившимъ намъ Промысломъ Божіимъ, они скоро поняли образъ мыслей нашихъ язычниковъ о своей и христіанской вѣрѣ и безъ всякихъ предвзятыхъ теорій о миссіонерскомъ служеніи съ замѣчательнымъ тактомъ повели дѣло Божіе. Но и это дѣлалось не нашимъ умѣньемъ, а споспѣшествующею благодатію Божіею. Не вдругъ увидѣли мы плоды трудовъ своихъ. Для этого нужно было прежде яснѣе, не умомъ только, а и сердцемъ, сознать немощь свою для дѣла Божія. Сознать это дано было съ перваго раза. Почти весь 1862 годъ прошелъ, а заведенная мною миссія, состоявшая на первый разъ изъ двухъ чело­вѣкъ (одинъ съ академическимъ образованіемъ), не обратила ни одного чело­вѣка. Сильно заскорбѣлъ я, писалъ Преосв. Пароенію, что я самъ готовъ поселиться въ улусахъ, чтобы самому непосредственно дѣйствовать на убѣжденія язычниковъ. Въ этой скорби вижу я во снѣ: идетъ Царица, а за нею буряты, по­видимому, изъ начальниковъ. Когда Она поровнялась со мною, я благоговѣйно поклонился Ей. Она обратилась къ буряту и показала ему на меня, какъ бы внушая ему, чтобы онъ слу­шалъ меня. Послѣ этого я получаю извѣстіе отъ своихъ но­выхъ миссіонеровъ, что буряты начинаютъ изъявлять жела­ніе креститься и, такимъ образомъ, въ послѣднее уже время

передъ новымъ годомъ просвѣщено ими Св. Крещеніемъ десять человекъ, а затѣмъ они стали крестить въ годъ уже до ста человекъ.

Но и страшный черный звѣрь, врагъ спасенія человѣческаго, не дремалъ. Онъ возбудилъ противъ новокрещенныхъ преслѣдованіе со стороны языческихъ властей. Кударинскій тайша открыто сталъ преслѣдовать крестившихся, заключалъ въ подполье и тѣснилъ всеми способами. Не могу умолчать, что и мы сами по неопытности дѣлали ошибки, не понимая, съ какимъ врагомъ имѣемъ дѣло. При Селенгинской степной думѣ начата постройка церкви. Язычники возлѣ нея поставили обѣ, то есть положили жертвы и навалили сверху кучу хворосту.

Но велику при степной думѣ не было ни одного языческаго улуса, а жили христіане небольшимъ селеніемъ, то сооруженіе обѣ очевидно было сдѣлано въ отместку за построеніе церкви, по внушенію одного ламы, вычитавшаго въ древнихъ буддійскихъ книгахъ, *) что боги требуютъ тутъ поставить обѣ. Лѣтомъ 1862 года, увидѣвши это обо, около церкви, я сказалъ тайшѣ—христіанину, чтобы сожгли его. Но когда зимою въ началѣ 1863 года пріѣхалъ я въ Селенгинскую степную думу, то увидѣлъ, что куча хворосту остается на мѣстѣ и даже, кажется, увеличилась отъ новыхъ приношеній тѣмъ же матеріаломъ. Тайша объяснилъ мнѣ краснѣя, что они, мѣстные христіане, боятся ежечь обѣ, чтобы не раздражить злыхъ духовъ, потому что съ бурятами вѣрили, что въ обѣ живутъ злые духи и, если ежечь его, то они бросятся на живущихъ въ селеніи христіанъ. Посмѣявшись надъ ихъ суевѣріемъ, я сказалъ тайшѣ, что въ такомъ случаѣ я самъ сожгу, потому что не боюсь злыхъ духовъ. Сказано, сдѣлано. При общемъ смѣхѣ, при участіи тайши и

---

*) Обѣ остатокъ шаманскаго суевѣрія и буддійскими учеными осуждался прежде, какъ старое суевѣріе монголовъ.

другихъ христіанъ-инородцевъ, хворостъ былъ сожженъ. Ду-
иали, дѣло о кучкѣ хворосту тѣмъ и кончится. Но сидѣвшіе
въ ней бѣсы, которыхъ такъ боятся инородцы, не остались
неотмщенными. Тайша писалъ мнѣ въ тревогѣ, что Хамбо-
лама съ ламами начитываютъ всякое зло на него и другихъ
участниковъ сожженія обѣ. Но гораздо хуже этого была мол-
ва, которую разнесли не язычники, а мнимые христіане-ли-
бералы о гоненіи на язычниковъ со стороны миссіи. Что
язычники изъ желанія поругаться надъ христіанской святы-
ней построили обѣ около церкви въ христіанскомъ селеніи,
на это никто не обратилъ вниманія, а что сожжена куча
хворосту у язычниковъ, объ этомъ заговорили, какъ объ
ужасномъ преступленіи. Нашелся писатель изъ либераловъ
(Д. Стахѣевъ), который помѣстилъ объ этомъ «важномъ» со-
бытіи въ своей книжкѣ рассказъ съ разными прикрасами,
причемъ кучу хворосту переименовалъ въ кумирню. Во вся-
комъ случаѣ событіе это, бывшее въ началѣ моего служенія
миссіонерскому дѣлу, не безъ пользы для меня допущено
было промысломъ Божиимъ. Оно дало мнѣ понять, что врагъ
нашего спасенія противодѣйствуетъ дѣлу Божию не чрезъ
однихъ язычниковъ, но и чрезъ лжебратію мнимыхъ хри-
стіанъ. Оно научило меня глубже понять наставленіе Госно-
да Апостоламъ: *внемлите отъ человекъ*—остерегайтесь лю-
дей (Матт. X, 17), и что проповѣднику вѣры нужно быть
не простымъ только, какъ голубь, но и мудрымъ, какъ змѣя,
что Господь пришелъ не миръ повреци на землю, но мечъ;
ибо чѣмъ святѣе дѣло, тѣмъ болѣе возбуждаетъ вражды про-
тивъ себя. Эти мысли постоянно внушались я своимъ сослу-
живцамъ, возмущавшимся людскою враждою къ столь свито-
му дѣлу, каково распространеніе христіанской вѣры.

Христіане первенствующей церкви говорили, что кровь
христіанъ сѣетъ новыхъ христіанъ. Нынѣ нѣтъ такихъ откры-
тыхъ гоненій на христіанство, нынѣ не распинаютъ и про-

повѣдниковъ вѣры на крестахъ, но распинають ихъ злохуленіями и клеветою, и распространеніе святой вѣры совершается все таки среди многихъ скорбей, благодать Божія привлекается на вѣрующихъ тугою сердечною и молитвою проповѣдующихъ. Не одна внѣшняя проповѣдническая дѣятельность, но еще болѣе этого внутренній подвигъ, не труды только, но и болѣзни содѣйствовали и содѣйствуютъ обращенію невѣрующихъ къ вѣрѣ. И чѣмъ больше было скорбей въ нашемъ служеніи, тѣмъ иногда успѣшнее и прочнѣе распространялась св. вѣра среди язычниковъ. Въ трехъ миссіяхъ (Забайкальской, Камчатской и Иркутской) служилъ я и вездѣ благодать Божія при моемъ служеніи удвоила и утроила число вѣрующихъ въ сравненіи съ прежнимъ временемъ, хотя съ моей стороны незамѣтно было особенныхъ внѣшнихъ трудовъ и подвиговъ. Споспѣшникомъ моимъ въ этомъ дѣлѣ былъ Великій Угодникъ Божій Св. Иннокентій. Онъ не разъ предостерегалъ меня въ моихъ ошибкахъ и былъ устройте-лемъ самой судьбы моей въ моихъ перемѣнахъ по службѣ. О всемъ-же слава и благодареніе Господу, избравшему меня грѣшнаго своимъ орудіемъ въ дѣлѣ своемъ, хотя не всегда послушнымъ и болѣе мѣшавшемъ, чѣмъ содѣйствовавшимъ благодати Божіей, дѣйствующей въ немощахъ человѣческихъ.

Во время управленія моего Забайкальскою Д. миссіею просвѣщено Св. Крещеніемъ въ Забайкальской области— 1850 д. об. пола съ 1862 г. по 1867 г. включительно.

За время управленія Камчатскою епархіею съ 1868 по 1872 г. включительно присоединено къ церкви 3508 душъ обою пола.

Въ Иркутской епархіи во время моего управленія обра-щено въ

1873 г. 1703 д.

1874 г. 1559 д.

1875 г. 2127 д.

1876 г.	2165 д.
1877 г.	2976 д.
1878 г.	2110 д.
1879 г.	2129 д.
1880 г.	2279 д.
1881 г.	2441 д.
1882 г.	2206 д.
1883 г.	2196 д.
1884 г.	1963 д.
	<hr/>
	31212 д.

Обучалось дѣтей въ миссіонерскихъ школахъ въ

1873 г.	117
1874 г.	149
1875 г.	183
1876 г.	291
1877 г.	318
1878 г.	319
1879 г.	385
1880 г.	215
1881 г.	358
1882 г.	258
1883 г.	278
1884 г.	404
1885 г.	475
	<hr/>
	3750

Числа крестившихся и учившихся въ миссіонерскихъ школахъ заимствованы изъ Оберъ-Прокурорскихъ отчетовъ.

К о н е ц ъ .
